

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 34 АВГУСТ 1983

В С Е Г Д А — В С

15 августа в Центральном Комитете КПСС состоялась встреча товарищей Ю. В. Андропова, М. С. Горбачева, Г. В. Романова, М. В. Зимянина, И. В. Капитонова, Н. И. Рыжкова с ветеранами партии.

Встречу открыл член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

На встрече выступили член КПСС с 1915 года, участник I Всесоюзного съезда Советов, председатель совета содействия ветеранов партии Ленинградскому государственному музею Октябрьской революции В. П. Виноградов; член КПСС с 1932 года, Герой Социалистического Труда П. Д. Бородин; член КПСС с 1918 года, ветеран Великой Отечественной войны и труда, делегат XXVI съезда КПСС, председатель Совета ветеранов партии Печерского района Киева В. И. Киселев; строгальщик завода «Ростсельмаш», зачинатель заводского движения многостаночников, один из первых ударников коммунистического труда на Дону П. К. Колесников; заведующий отделом селекции и первичного семеноводства озимых зерновых культур НИИ земледелия Белоруссии, Герой Социалистического Труда, заслуженный деятель науки БССР Н. Д. Мухин; инженер, Герой Социалистического Труда, заслуженный механизатор РСФСР В. М. Бахолдина; генерал-майор в отставке М. Д. Ташмухамедов; член КПСС с 1931 года, Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «40 лет Октября» Талды-Курганской области Казахской ССР Н. Н. Головацкий; член партии с марта 1917 года, ветеран гражданской и Великой Отечественной войн Я. Д. Чанышев; Герой Социалистического Труда, заместитель начальника московского «Метростроя» Т. В. Федорова.

Затем тепло встреченный присутствующими выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Ю. В. Андропов.

Он, в частности, сказал:

Дорогие товарищи!

Разговор у нас, как мы и ожидали, получился содержательный, полезный, именно тот, на который и рассчитывало Политбюро. Я бы, пожалуй, выделил три характерные черты прозвучавших здесь выступлений.

Во-первых, это активность, глубокая партийная убежденность. Убежденность в непреходящей ценности коммунистических идеалов, в правильности пути, по которому идет партия. И убежденность в том, товарищи, что за все то хорошее, во что мы верим, к чему стремится советский на-

Т Р О Ю!

ВСТРЕЧА В ЦК КПСС С ВЕТЕРАНАМИ ПАРТИИ

род, надо бороться, бороться беззаветно. Совсем недавно мы отметили восьмидесятую годовщину Второго съезда РСДРП, на котором была создана первая в мире пролетарская партия нового типа. Могучей, непобедимой силой стала партия большевиков-ленинцев, на долю которой выпала великая всемирно-историческая миссия: открыть новую эру в истории человечества, начать строительство новой коммунистической цивилизации. И эту миссию КПСС выполняет с честью!

Во-вторых, радует реализм, взвешенность в оценке и наших успехов, и тех проблем, которые еще ждут своего решения. Ведь видеть факты такими, каковы они есть, понимать сложность, противоречивость явлений общественной жизни, ничего не приукрашивать, но и не обеднять уже сделанное — таковы непременные предпосылки научно обоснованной политики.

И, наконец, не могу не отметить отчетливо прозвучавшие здесь творческие, новаторские нотки. Ведь бывает, и не так уж редко, что сложившийся опыт, устоявшиеся представления, привычки, навыки мешают воспринимать новое, непривычное. Но коммунисты, настоящие коммунисты, устроены по-другому. Для них жизненный опыт — это как бы вершина, поднявшись на которую можно лучше видеть открывающиеся горизонты. Такой опыт не притупляет, а заостряет чувство нового, без которого нельзя, невозможно решать задачи, которые ставит перед нами жизнь, практика совершенствования развитого социализма.

Так что можно констатировать, что корпус ветеранов партии, ветеранов труда в хорошей форме, рабочей форме. Это очень приятно. Да иначе и не может быть. **(Аплодисменты).**

(Полный текст выступления товарища Ю. В. Андропова опубликован в печати).

Встреча ветеранов партии и труда с руководителями КПСС прошла в сердечной, товарищеской обстановке. Ветераны заверили партию, ее Центральный Комитет, Политбюро ЦК КПСС, что все свои силы, знания, опыт с новой энергией направят на решение задач социально-экономического и духовного развития Родины, приумножения ее мощи и народного благосостояния, на воспитание молодого поколения советских людей — нашей боевой смены.

На снимке: во время встречи.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 34 (2927)

20 августа 1983

В НОМЕРЕ:

Да, мы смертны все на этом
свете,
Но бессмертен
Человечий род.
Жизнь,
Она, как теплый дождь
в пролетье,
В новых поколениях взойдет.
Но взойдет ли?..
Смутно и тревожно
Я вопрос все чаще задаю.
О Земля,
Ответь мне односложно,
Кто продлит к тебе
Любовь мою?
Чтобы разум крепнущий
был вечен,
Этот малый, добрый шар
земной
Теплотой души очеловечен,
Осердечен
И украшен мной.
Так неужто это все,
что рядом,
Вдруг проглотит страшная
гроза,
Этот, в сущности, незримый
атом
Всей планете ослепит глаза?
И уже никто не превратится
На земле
Ни в тополь,
Ни в траву?..
Я читаю все это на лицах
И с таким вопросом сам
живу.

На стр. 14 читайте цикл стихов В. ЯКОВЕНКО «Отечество в твоей судьбе».

Плакат М. АБРАМОВА

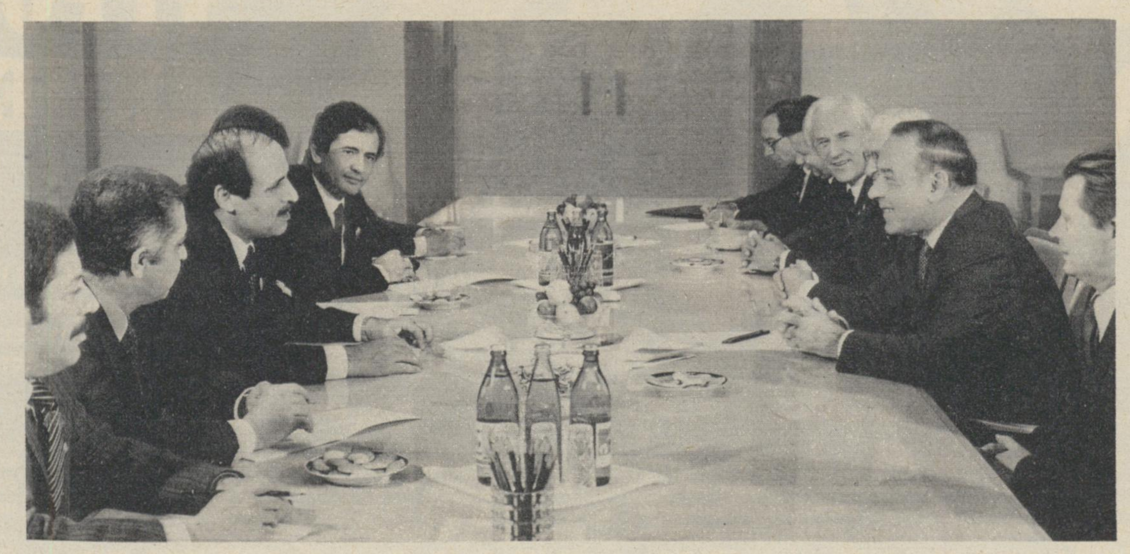
ВСТРЕЧА С СИРИЙСКИМИ ПАРЛАМЕНТАРИЯМИ

15 августа член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев принял в Кремле делегацию Народного совета Сирии, возглавляемую членом руководства ПАСВ, Председателем Народного совета М. Зуаби.

По поручению президента Сирии Х. Асада глава делегации передал Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропову и другим советским руководителям сердечные приветствия и добрые пожелания. Сирийские парламентарии выразили удовлетворение своим визитом в Советский Союз.

Сирийская делегация проинформировала о борьбе, которую ведет Сирия против агрессии Израиля и происков империализма на Ближнем Востоке.

Г. А. Алиев рассказал гостям из дружественной Сирии о достижениях советского народа в хозяйственном и культурном строительстве, о вопросах, над которыми работают сейчас Центральный Комитет КПСС и Советское правительство, о мирных инициативах Советского Союза, направленных на предотвращение ядерной войны.

Во время беседы. Фото В. Зуфарова (ТАСС)

ДУМАЯ О НАШИХ НАСЛЕДНИКАХ

Встреча в Центральном Комитете КПСС с ветеранами партии — факт знаменательный, отрадный и поучительный. Все сказанное на этой встрече нашло у нас в селе и понимание и поддержку.

Среди нас, советских людей, еще живут, здравствуют те, кто участвовал и в Октябрьской революции и в гражданской войне, кто активно прожил далекие теперь первые пятилетки, кто с оружием защищал социалистическую Родину в поединке с фашизмом, кто восстановил разрушенное войной и посегодня возводит новостройки...

Все возрасты, все поколения живут в Советской стране бок о бок. Нам всем понятна забота как о старшем поколении, так и о молодых, о тех, кому, как говорится, заступать на вахту. Одно с другим связано органически. Да, молодым у нас действительно везде дорога. И не одна! Но без нашего опыта, без нажитого отцами, дедами и матерями на дорогах будущего делать нечего.

У человека моего возраста трудовой стаж велик. Я работал и до войны, долго учился, а теперь вот уже тридцать лет — председатель колхоза «Путь к коммунизму». И в партии состою более сорока двух лет, а приняли меня в свои ряды коммунисты в лихую годину — в окопах под Москвой, осенью 1941 года... Оттого-то каждое слово о нашем поколении, о новых задачах, сказанное Юрием Владимировичем Андроповым на встрече с ветеранами партии, меня взволновало и ободрило. Спасибо!

Наш колхоз живет как единая семья. У нас немало своих ветеранов труда, есть и почетные колхозники, мы их не оставляем без внимания, а сами они по укоренившейся привычке, по неодолимой потребности помогают посильно родному селу, хозяйству, наставляют юношество.

Мы в селе живем по нашему Кодексу трудовой чести. Там записаны и приняты как нравственный закон прекрасные слова о правах и обязанностях, о гражданском долге каждого, кто живет сегодня в колхозе «Путь к коммунизму». Юрий Владимирович Андропов сказал об идеологическом обеспечении экономической работы. У нас о таком обеспечении всегда помнят. И верно то, что не меньшее, если не большее значение имеет экономическое или — шире — социальное обеспечение идеологической работы. Это требование времени учтено в колхозном Кодексе трудовой чести...

О молодежи что сказать? По существу, мы жили и живем, работаем ради детей и внуков. Им жить и творить! Они наша смена — это понятно. Нашу молодежь ожидают будни пахарей, строителей, первопроходцев и первооткрывателей, а это все — труд. Тяжелый повседневный труд. Готовим к нему. Сначала дома, на участке школьной бригады, в поле и на фермах. Молодым предоставляем жилье. Молодым — новую технику. А как же? Дать почувствовать, что парень — хозяин жизни, своей судьбы, что он перед жизнью и всем селом лицо ответственное. Это закаляет, обязывает!..

Так что ветеранам общая наша благодарность и почет, а молодым — доверие, уважение. Все правильно. По-ленински. Так и жизнь учит.

М. В. БАТУХТИН,
Герой Социалистического Труда,
председатель колхоза «Путь к коммунизму».

Воронежская область,
Рамонский район.

С НЕОСЛАБНОЙ ЭНЕРГИЕЙ

Недавно на партийном бюро завода меня принимали кандидатом в члены КПСС. Конечно, я волновался, и это было волнение особого рода. Ведь я вступал в партию, в рядах которой — лучшие сыны Отчизны. Значит, отныне и я должен стремиться быть похожим на них. Все ли я сделал, чтобы стать настоящим коммунистом? — спрашивал я сам себя. Завод из зеленого ученика превратил меня в настоящего рабочего, фрезеровщика высокого класса. Я стал бригадиром комплексной бригады, награжден знаком «Ударник десятой пятилетки», годовой план обязался выполнить досрочно, к Дню Конституции СССР... Теперь я должен отвечать не только за себя, но и за своих товарищей по труду, как это делали всегда с неослабной энергией ветераны нашей партии.

Что такое настоящая социалистическая дисциплина? Можно быть виртуозом своего дела, прекрасно работать самому и не замечать, что у соседнего станка дело идет не так гладко или вовсе не двигается. А можно быть виртуозом своего дела и помочь соседу тоже стать виртуозом. Я за такую дисциплину. Против равнодушных. Потому что равнодушные пекутся не о благе общем, не о высокой марке завода, а о собственной выгоде. Очень верно сказал на встрече с ветеранами партии в ЦК КПСС, обращаясь к Генеральному секретарю ЦК КПСС Ю. В. Андропову, ветеран гражданской и Великой Отечественной войн Я. Д. Чанышев: «Мы очень довольны, что руководство Центрального Комитета партии ведет дела по-ленински, по-большевистски. И мы просим вас — не либеральничайте с теми, кто не об общем благе думает, не о работе, а только о личном благополучии».

Для нас, молодых коммунистов, эта встреча, откровенный обмен мнениями между руководителями партии и ее ветеранами стали как бы заочным университетом ленинского отношения к делу. Для меня стали отныне программными слова Юрия Владимировича Андропова о том, что для настоящих коммунистов «жизненный опыт — это как бы вершина, поднявшись на которую можно лучше видеть открывающиеся горизонты. Такой опыт не притупляет, а заостряет чувство нового, без которого нельзя, невозможно решать задачи, которые ставит перед нами жизнь, практика совершенствования развитого социализма».

Геннадий КЛЫПА,
фрезеровщик опытно-экспериментального завода геофизических приборов

Алма-Ата.

ЮГ ЛИВАНА — УГРОЗА АННЕКСИИ

Владимир КОВНАТ,
корреспондент-кинооператор
Советского телевидения
на Ближнем Востоке

Палестинские и ливанские вдовы. Фото автора

Недавно мы вернулись из очередного путешествия на юг Ливана. С каждой такой поездкой видим, как ужесточается оккупационный террор. Все новые и новые базы, укрепленные пункты и контрольные посты израильтян появляются вдоль приморской дороги в юго-восточной части страны. И с каждым днем ливанским и иностранным журналистам становится все труднее работать в оккупированной сионистами зоне. Интервенты не дают снимать, задерживают корреспондентов, отбирают у них кино- и фотопленку. А зачастую вообще запрещают находиться на территории, подвластной оккупационным войскам. Нам уже приходилось засвечивать снятый материал, чтобы не отдавать его израильтянам. Группа европейских корреспондентов была на днях выгнана из Сайды сионистами, объявившими этот город военной зоной и наложившими полный запрет на работу местной и иностранной прессы.

За день до поездки в Сайду мы оставили свою машину в хвосте длиннейшей очереди легковых автомобилей и грузовиков у первого израильского контрольного пункта, прошли пешком и стали метрах в пятидесяти от места, где израильтяне обыскивали все виды идущего на юг транспорта.

Уже длительное время оккупанты всячески стараются помешать снабжению юга страны ливанскими товарами и продуктами, с тем чтобы заставить ливанцев покупать то, что израильские негоцианты тащат сюда на продажу. Это прямая попытка экономически отрезать юг от севера. Одновременно такая принудительная торговля, являющаяся неприкрытой широкомасштабной контрабандой, приносит Израилю многомиллионные барыши в твердой валюте, что существенно поддерживает катящуюся под уклон израильскую экономику.

Стоило нам поднять кинокамеру, как у израильтян началась настоящая истерика. Двое молодцов в надетых на голое тело пуленепробиваемых жилетах замахали руками и с криком побежали к нам, лязгая на ходу затворами автоматов. Мы повернулись к ним спиной и пошли вдоль очереди машин. Десятки людей в ужасе кричали нам из автомобилей, что израильтяне гонятся за нами и могут в любую секунду открыть огонь. Догнав нас, солдаты потребовали, чтобы мы пошли с ними в штаб, а там уж полковник разберется, что это за личности и как они смеют снимать израильскую армию.

— Здесь не Израиль, а Ливан,— ответил на это заведующий нашим корпунктом Леонид Рассадин,— и мы здесь аккредитованы по всем международным правилам.

Затем мы объяснили ретивым оккупантам, что ни в какой штаб не пойдем, а совать автомат в лицо безоружным людям — это элементарный бандитизм, и широкая общественность непременно узнает об этом случае. Дискуссия происходила довольно далеко от израильского поста, все ливанцы, сидевшие в машинах или стоявшие около них, явно были на нашей стороне и не скрывали своего возмущения нападением двух молодых сионистов на представителей международной прессы. Солдатам пришлось уйти ни с чем, но они заявили, что если попытаемся снять их еще раз, то нам не поздоровится.

Ну что ж, взведенный автомат — веский аргумент против кино- и фотообъектива. Повернув камеру в другую сторону, мы взяли интервью у одного из ливанцев. Он откровенно сказал, что думает об израильских оккупантах вообще и о бравых вояках с контрольного поста в частности...

Как раз напротив этого участка побережья в море стояли корабли американского 6-го флота. Кажется, они прилипли к бейрутским пляжам навечно. Неподалеку на горке, в трогательной близости с израильским, развевался звездно-полосатый флаг. Едва мы закончили съемку интервью, недалеко проехал американский патрульный «джип».

По одну сторону контрольного поста разъезжали по ливанской земле американские грузовики и плавающие боевые машины, по другую — израильские бронетранспортеры и танки.

Мало того. На бейрутском перекрестке Галери Семан встречаются и едут борт о борт израильские, американские, французские, английские и итальянские военные машины. И здесь же, у Галери Семан, то есть в самом Бейруте, патриоты уже несколько раз атаковали израильские военные конвои. Людям, впервые посетившим Бейрут, кажется непонятным и диким, когда в городе стоит колонна израильских танков, а морская пехота США преспокойно катит рядом на своих «джипах». Но видавшие виды бейрутцы только горько усмехаются. Разве не господин Рейган покровительствовал израильскому вторжению в Ливан! Разве не президент США обещал — и не раз! — помочь ливанскому народу избавиться от израильской оккупации! А сегодня раздел Ливана и аннексия оккупированного юга стали прямой угрозой. Когда год назад американские ракеты и бомбы сыпались на Бейрут с самолетов, направляемых руками израильских пилотов, и правительство Ливана умоляло Америку унять своего кровавого партнера, разве американский президент не говорил, что «его влияние на Израиль ограничено»!.. И, наконец, разве не сам президент гарантировал, что израильтяне не ворвутся в беззащитный Бейрут после ухода боевых палестинских отрядов! Многое вспоминается, когда проезжаешь перекресток Галери Семан.

Есть два способа попасть из Бейрута на южное шоссе. Можно ехать мимо американских постов вдоль побережья до упомянутого выше израильского поста. Вторая дорога ведет от Галери Семан по бульвару Шамуна и выходит к морю перед бейрутским пригородом Хальде. Подавляющее большинство ливанцев предпочитает первый путь. Журналисты нередко пользуются вторым.

И вот мы сворачиваем на бульвар Шамуна. Слева и справа от шоссе работают израильские бульдозеры под охраной бронетранспортеров и танков. Израильтяне валят и выкорчевывают тянущиеся вдоль дороги вековые деревья и фруктовые сады. Мы видим рыдающих крестьянок и стискивающих зубы мужчин. Там, где прошли бульдозеры, остались широкие полосы перепаханной гусеницами земли. Подъехав к крестьянскому домику, стоящему у дороги, просим пожилого ливанца рассказать, что здесь происходит. Увидев кинокамеру и микрофон, крестьянин не побоялся рассказать, что оккупанты уничтожают сады вдоль шоссе, так как напуганы частыми нападениями партизан.

За поворотом шоссе рычали моторы бульдозеров.

— Посмотрите,— сказал ливанец,— что осталось от сада, заложенного моим прадедом... И так много километров. Как будем теперь жить, только аллах знает.

Попадавшиеся навстречу израильские военные машины мчались с большой скоростью. Солдаты сжимали рукояти автоматов. Мы приближались к подконтрольному израильтянам району деревень Шоурифат и Кваршима, где, почти не прекращаясь, идет братоубийственная артиллерийская дуэль между христианской и мусульманской общинами. На радость оккупантам и под их наблюдением арабы убивают арабов.

Дорога перед нами пустынна, на улицах ни души. Люди попрятались, и лишь смельчаки стучатся в запертые двери продуктовых магазинов. Проезжаем мимо открытой, к нашему удивлению, кондитерской. Хозяин в белоснежном халате стоит в дверях и, увидев нас, предлагает зайти и отведать его изделия.

Таков Ливан. За углом могут рваться снаряды, а парикмахер будет звать вас побриться. Не то чтобы он не испытывал страха, но для ливанца самое страшное — остаться без дела и в одиночестве. Не стоит забывать, что военные действия в Ливане, в том числе зверские израильские воздушные налеты, длились много лет... И война не закончена.

Вряд ли стоит рассказывать, как мы доехали до Сайды и лагеря беженцев Айн-Хильве. Важно, что мы оказались там, когда началась массовая демонстрация палестинских и ливанских женщин, о которой мы узнали от местных журналистов.

Как-то незаметно для многих юг Ливана постепенно превращается в такой же надолго оккупированный Израилем район, как уже аннексированные сирийские Голанские высоты, как сектор Газы, Иерусалим и Западный берег Иордана. Не видеть этого сегодня — значит закрывать глаза на самоочевидные вещи. В Израиле постоянно раздаются голоса, требующие присоединения к сионистскому государству ливанского юга — вплоть до города Сайды и реки Авали. Правда, другие голоса требуют немедленного вывода оккупационных войск из Ливана. Но власть в Израиле — у воинствующих сионистов.

За последнее время было много антиизраильских демонстраций во всех оккупированных областях. Но марш женщин и детей, свидетелями которого мы стали в Сайде, носил особый характер. В нем участвовали те, кто пережил обстрелы и воздушные бомбардировки. Это была демонстрация потерявших все и видевших смерть прямо перед собой. А жизнь, на которую осудил их сионизм, для них, гордых и не сломленных многолетним кошмаром, стала хуже смерти.

По главной улице лагеря между полуразрушенными и полностью снесенными артиллерией домами двигалась колонна женщин. Многие вели с собой или несли на руках детей. Над колонной развевались черные флаги. Сотни

См. стр. 28.

Микронезию «опекает»—
На страдания обрекает.

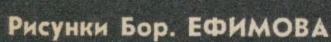
МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

«Уходи, Пиночет-убийца!»—
Всё грозней говорят чилийцы.

Флот каратели снаряжают —
Нагло Ливии угрожают.

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

РОМАН

Книга 1-я

Александр ЧАКОВСКИЙ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Глава вторая

ЛЕВ И ЛИСИЦА

30 января 1882 года Джеймс Рузвельт записал в своем дневнике: «Без четверти девять моя Салли родила великолепного большого мальчика. Он весит десять фунтов — без одежды».

Это произошло в Хайд-Парке, имении Рузвельтов, расположенном в нескольких десятках километров от Нью-Йорка. Семью Рузвельтов нельзя было назвать очень богатой, но, с точки зрения среднего американца, она считалась, конечно, более чем состоятельной.

Достигнув отрочества, «великолепный большой мальчик» уверенно зашагал по жизни. В конце века он поступил в привилегированную школу в Гротоне, неподалеку от Бостона.

Как учился молодой Рузвельт, каковы были, по мнению учителей, его способности? Учился он неважно. Средняя годовая отметка его в Гротоне выражалась третьей буквой английского алфавита «С» (следующая за ней оценка «Д» считалась уже неудовлетворительной). Впрочем, окончил Франклин Гротонскую школу со средней оценкой «В», что было вовсе не так уж плохо.

Каким он был не в учении, а в частной жизни? Таким же, как и большинство американских юношей его социальной среды. В детстве играл в оловянных солдатиков, возился с сеттером Марксмэном, ездил верхом на подаренном ему отцом пони по имени Дебби, плавал в Гудзоне, собирал марки (эту страсть Рузвельт пронес потом через всю жизнь).

В июне 1900 года Франклин окончил Гротонскую школу и в сентябре поступил в Гарвардский университет. Теперь он оказался совсем рядом с Бостоном, городом американской знати. Достаточно было пересечь реку Чарлз-Ривер, чтобы очутиться среди обстановки, хорошо знакомой Франклину по детству— если бы родовое имение Рузвельтов Хайд-Парк перенести в Бостон, оно вполне вписалось бы в его архитектурный и социальный климат. Гарвардский студент почти каждое воскресенье пересекал Чарлз-Ривер на пароме или на лодке.

Красивого молодого человека со спортивной выправкой, в красном гарвардском галстуке часто видят швейцары лучших бостонских домов. Он отлично одет, волосы аккуратно расчесаны на прямой пробор, близко поставленные и глубоко сидящие глаза смотрят на всех приветливо и доброжелательно, веселая улыбка невольно вызывает ответную улыбку собеседника...

Молодой Франклин свидетельствует свое почтение тем бостонским семьям, фамилии которых — он хорошо это помнит — не раз назывались в его родном Хайд-Парке.

Кто же он? Делающий светскую карьеру молодой честолюбец? Сноб, ищущий повода при каждом удобном случае упомянуть о своих связях с влиятельными бостонцами?..

Так или иначе, пока еще никто всерьез не интересуется молодым гарвардцем. Прилежно, хотя и не очень глубоко он изучает все, что полагается по программе университета,— английскую и французскую литературу, латынь, геологию, палеонтологию, изящные искусства, ораторское искусство.

Впрочем, к абстрактным дисциплинам он не испытывает особого влечения. С несколько большим интересом изучает историю континентальной Европы и своей родной Америки, государственное устройство, законодательство, в особенности валютное, экономику транспорта, банковское дело, американскую систему большого бизнеса, в частности промышленных и финансовых корпораций.

Какая же сила, какие черты характера впоследствии поставили Рузвельта в ряды «сильных мира сего»? Можно ли сказать, что он усидчиво, детально, глубоко изучал все то, что могло ему пригодиться в его дальнейшей политической деятельности? Нет, нельзя... Не «усидчиво», не «детально» и не «глубоко».

Проклятая буква «С» преследовала молодого Рузвельта, кажется, на протяжении всех лет его учения в университете.

Будучи четырежды избран на самую высокую должность своей страны, он великолепно разбирался в сложнейших политических ситуациях, в хитросплетениях большого бизнеса, безошибочно рассчитывал «параллелограмм сил» — как в своей стране, так и на международной арене. Где он всему этому научился? В Гарвардском университете? Но именно Рузвельту принадлежат пессимистические строки: «...Я четыре года слушал лекции по экономике, и все, чему меня учили, было неправильно».

В университете читались лекции по психологии. Рузвельт не посетил, кажется, ни одной из них. Всего три недели ходил он и на лекции по философии.

Так кем же все-таки был Рузвельт в свои молодые годы? Ленивцем? Светским шалопаем, ищущим доступа в аристократические цитадели Бостона?

В Гарварде издавалась газета под названием «Гарвард Кримзон». Именно туда, на газетные полосы, а не в унылые академические аудитории влекло молодого Рузвельта. О чем же он писал на страницах этой газеты? Может быть, о результатах научных изысканий, предпринятых в тиши университетской библиотеки?

Нет, это могло интересовать сравнительно немногих людей и оставляло Рузвельта равнодушным. Он должен был писать о том, что интересовало — пусть и без достаточно серьезных оснований — миллионы его соотечественников.

Это был прежде всего футбол. Рузвельт регулярно писал редакционные статьи на футбольные темы, упрекал гарвардских футболистов в недостатке боевого духа, в неумении атаковать ворота противника, ехидно советовал им переключиться на европейский футбол, а команду соответственно переименовать в «Сиссиз», то есть «маменькины сынки». Иногда автор, наоборот, брал под защиту свою команду, но зато обрушивался на зрителей, равнодушно относившихся к исходу игры и безмятежно покуривавших сигары и трубки вместо того, чтобы громкими криками поощрять футболистов и звать их к победе.

Летом и осенью Франклин писал о футболе, зимой — о коньках и хоккее...

Итак, будущий профессиональный спортивный обозреватель? Журналист «узкого профиля»?

Нет, почему же. Рузвельт регулярно писал и на другие темы — далекие от спорта, но постоянно интересовавшие студентов — о перегрузке учебного расписания, о благоустройстве тротуаров, о водоснабжении, о мерах на случай пожара...

Окончив Гарвард летом 1904 года, осенью Рузвельт поступил в Школу права Колумбийского университета. Может быть, юриспруденция пробудит в Рузвельте творческий интерес? Может быть, именно здесь он найдет свое подлинное призвание? Может быть, за стенами Школы права ждет Рузвельта карьера выдающегося адвоката, следователя, прокурора?

Нет, нет и нет! Проклятая буква «С», как каинова печать равнодушия к любым наукам, незримо венчает чело колумбийского студента-правоведа.

Едва выдержав экзамены, дающие право заниматься юридической практикой, Рузвельт бросил Колумбийский университет. Степени бакалавра юридических наук он так и не получил. С помощью своих влиятельных родственников он поступил клерком в старую, расположенную на Уолл-стрите юридическую фирму «Картер, Ледьард и Милбэрн». В течение первого года службы он должен был работать без жалованья.

Представим себе одного из диккенсовских молодых героев, протирающего штаны в юридической фирме, человека без настоящего и будущего, забитого, вечно нуждающегося, неряшливо одетого, иногда обуреваемого разного рода мечтами и планами, но даже пальцем не шевелящего, чтобы их осуществить...

И вдруг случается чудо. Проклятая буква «С» стирается с широкого, открытого лба молодого, красивого клерка. Завеса, отгораживающая двадцатипятилетнего Франклина от жизни, неожиданно падает. И жизнь эта предстает перед ним не в виде застывших философских учений, светских условностей, религиозных канонов, а скорее в виде одного из детективных романов, которые Рузвельт любил почитывать.

В первый год его службы на долю младшего клерка редко выпадали юридические дела, требовавшие особых знаний, изворотливости, умения предусмотреть ходы противника.

Фирма, в которой служил Рузвельт, защищала интересы корпораций от всяких попыток правительственного вмешательства. «Антитрестовский закон», теоретически направленный против абсолютного господства монополий, но, как правило, игнорируемый ими, был ненавистен владельцам фирмы и рассматривался как покушение чиновного Вашингтона на святая святых капитализма — безграничную свободу частного предпринимательства.

Постоянными клиентами фирмы «Картер, Ледьард и Милбэрн» были такие гигантские корпорации, как «Стандард ойл», «Американ тобакко компэни». Даже человек, занимавший в фирме такую незначительную должность, как молодой Рузвельт, порой встречался с крупными дельцами, юрисконсультами, адвокатами большого бизнеса.

Но не только эти встречи были своего рода университетами для Рузвельта. Читая всевозможные деловые бумаги, порой просто переписывая их, составляя справки, докладывая их содержание своему шефу, Рузвельт постепенно приобщался к миру бизнеса. Его все больше завораживал этот мир, в котором звенело

Окончание. См. «Огонек» № 33.

золото, торжествовали изворотливость и хитрость, замышлялись коммерческие заговоры, плелись интриги. Сугубо юридическая или, если хотите, политическая деятельность огромного механизма, в котором он был всего лишь винтиком, мало привлекала молодого клерка. Но практическая работа фирмы пробуждала в нем большой интерес. Ведь он имел дело не только с бумагами, не только с проектами договоров, заявлениями в суд, кассациями, секретными соглашениями, текстами адвокатских речей, но нередко и с людьми, которые стояли за всеми этими документами, с живой практикой человеческих взаимоотношений.

Рузвельт с интересом наблюдал за непрерывной войной в мире бизнеса, постигая приемы, которыми пользовались дельцы для саморекламы, для вербовки сторонников, для получения прибылей. Он познавал уловки, к которым прибегали люди, ведущие эту непрерывную войну, проникал в истинную суть отношений между ними, маскировавших под внешним демократизмом железную, безжалостную хватку...

Но постепенно Рузвельт стал все чаще испытывать чувство неудовлетворенности. Он сознавал, что видит лишь незначительную часть мира, в котором живет. Вне поля его зрения остается другой мир, населенный миллионами людей со своими интересами, бесконечно далекими от тех, которыми жила его фирма и ее клиенты.

Может быть, в молодом Рузвельте зародилась неприязнь к миру бизнеса? Может быть, сам факт его существования стал казаться ему несправедливым?

О нет! Ни сейчас, ни позже Рузвельт даже в самых тайных мыслях не протестовал против этого мира и отнюдь не имел желания уничтожить его. Он просто очень рано распознал те пружины, которые приводили в движение механизм большого бизнеса: корысть, полное пренебрежение ко всему тому, из чего нельзя извлечь прибыль, взгляд на рядового человека только как на потенциального покупателя.

Это не нравилось молодому Рузвельту. Он не покушался на фундамент золотого монумента, воздвигнутого капитализмом. Но ему хотелось предупредить людей об угрозе, таящейся в такой недальновидности. Толстые стены юридической фирмы, в которой он работал, мешали ему окинуть широким взглядом противостоящие друг другу миры имущих и неимущих.

Стремясь объяснить себе, почему он так не удовлетворен своей жизнью, Рузвельт пришел к выводу, что юриспруденция не его призвание. Ему нужно вырваться за пределы замкнутого искусственного уолл-стритовского мирка, надо скорее выйти на широкие просторы подлинной жизни...

Он повзрослел и многому научился. Пусть это было только началом его жизненной школы, но он уже знал, как дельцы проникают в реальную практику большого бизнеса, как овладевают наукой извлечения прибыли и любой другой выгоды, необязательно денежной. В то же время он выработал собственную манеру обращения с людьми — открытую, привлекательную, истинно демократичную...

Конечно, он еще не обладал умением плести политическую паутину, загадочную, непостижимую для посторонних, наносить стремительные, неожиданные, сокрушительные удары по своим врагам или соперникам. Все это придет позже и в конце концов даст основание одному из проницательных биографов тридцать второго президента Соединенных Штатов назвать его Львом и Лисицей[1] в одном лице...

Но Рузвельт уже пришел к выводу, что ему следовало бы попробовать свои силы на политической арене.

Обаятельный, отнюдь не бедствующий, более или менее образованный молодой человек из хорошей американской семьи, к тому же с определенным жизненным опытом за плечами, имел для этого немало самых разнообразных возможностей.

В стране то и дело происходили какие-нибудь выборы, которым предшествовала длительная борьба двух соперничающих партий — демократической и республиканской...

По традициям своей семьи Рузвельт был демократом. Постоянные гости Хайд-Парка — однокашники «гротонцы», «гарвардцы» и «колумбийцы» — точнее, все те из них, кто по окончании университета посвятил себя политической деятельности,— встретили бывшего редактора гарвардской газеты с распростертыми объятиями.

Он был «свой». Свой по происхождению и воспитанию, да к тому же еще обаятельный, красивый, способный одной своей улыбкой завоевывать сердца людей...

Короче говоря, в 1910 году двадцативосьмилетнему Рузвельту было предложено испытать политическое счастье на предстоящих выборах в законодательное собрание штата Нью-Йорк.

Ни минуты не раздумывая, Рузвельт согласился.

На большом, красном «максуэлле», едва ли не единственном автомобиле во всем графстве Датчесс, Рузвельт колесил по избирательному участку.

Еще будучи студентом, Франклин сделал предложение своей дальней родственнице Элеоноре. В 1905 году они поженились. В мае 1906 года родилась дочь Анна. Затем — в декабре 1907 года — сын Джеймс.

Нередко жены с раздражением относятся к делам мужей, ибо эти дела сплошь и рядом отрывают мужей от семейного очага.

Общественный темперамент Элеоноры Рузвельт — будущее покажет это с особой наглядностью — не очень-то уступал темпера-

[1] Так назвал свою книгу о Рузвельте Дж. Бернз, заимствовав эту характеристику у Макиавелли (А.Ч.).

менту мужа. Уже в борьбе Франклина за место на скамье законодателей она все время была рядом с ним, сопровождая его в предвыборных поездках и замирая от страха, когда он внезапно прерывал очередную речь в поисках нужного слова.

По общему мнению, Рузвельт в ту пору был еще весьма посредственным оратором. Со временем он освоит и это искусство. Его высокий баритон зазвучит спокойно и уверенно, паузы будут лишь подчеркивать весомость ударных фраз.

Сила молодого Рузвельта была в другом. С первых же шагов своей политической деятельности он поразительно быстро устанавливал контакты с людьми, с необычайной легкостью завоевывал их расположение. Разумеется, многолетняя практика борьбы за власть в США выработала свои заповеди. Рузвельт широко пользовался ими. Вот те из них, которые он особенно хорошо усвоил:

— Не забудь похвалить город, где выступаешь.

— Сумей внушить людям, пришедшим тебя послушать, что они тебе друзья и ты им друг.

— Никогда не веди прямой атаки на соперника. Если можно, вообще не упоминай его фамилии. Однако критикуй то, что соперник предлагает, и обещай то, о чем он умалчивает.

И еще одну заповедь твердо усвоил молодой политик Рузвельт: не переоценивать выступлений с трибуны и уделять особое внимание личным контактам с избирателями. А это была одна из тех наук, которые нельзя просто изучить на чужих примерах. Контакты с людьми должны быть дружескими, но далекими от фамильярности. Заинтересованность в делах собеседника должна производить впечатление неподдельно искренней, чтобы твой потенциальный избиратель не ощутил ни малейшей фальши. Прежде чем хлопать собеседника по плечу со словами «Здорово, Том!», нужно точно знать, с кем имеешь дело. Одному это может показаться развязной выходкой незнакомого человека, а другой может расценить это как сердечное приветствие, которым равный обменивается с равным.

Длительное участие в различных избирательных кампаниях помогает кандидату выработать дежурную улыбку, тембр голоса, манеру пожимать избирателю руку, дружески хлопать его по спине...

И все же... И все же, не обладая врожденным талантом общения с людьми, научиться всему этому трудно.

Рузвельт обладал таким талантом. Это, естественно, не мешало ему ненавидеть врагов и соперников — тех, кто, преследуя свои корыстолюбивые цели, травил его десятки лет. Но этот врожденный талант помогал ему привязывать к себе людей на всю жизнь.

История буржуазной политики знает много примеров, когда тот или иной политикан с помощью изощренных приемов, опираясь на подкупленную прессу, обретал репутацию друга простых людей. На самом же деле никого он так не презирал, как этих самых простых людей...

Рузвельт, конечно, любил людей. Ему хотелось, чтобы счастливы были все — и богатые и бедные. Он верил в бога и считал частную собственность незыблемым фундаментом американского здания. Но наступит время, и он пойдет на такие меры, которые тысячи алчных, купающихся в золоте людей назовут «социалистическими» и станут травить Рузвельта чуть ли не как агента Москвы...

Однако в ноябре 1910 года до всего этого было еще очень далеко.

Пока что Франклин Делано Рузвельт был избран в сенат штата Нью-Йорк.

Итак, сенатор!

Два года спустя, на следующих выборах в законодательное собрание штата Нью-Йорк,— опять победа!

В ноябре 1912 года президентом Соединенных Штатов избирается кандидат демократической партии Вудро Вильсон. Не проходит и полгода, как Рузвельт — ему недавно исполнилось тридцать лет — назначается помощником министра военно-морского флота. В 1920 году расстается с военно-морским министерством. Его выдвигают кандидатом в вице-президенты. На этот раз — поражение!

В августе 1921 года Рузвельт заболел. Врач Беннетт, которого вызвала Элеонора, успокоил ее, заявив, что это всего лишь простуда. Два-три дня назад Рузвельт ловил рыбу с яхты. Неожиданно потеряв равновесие, он упал в ледяную воду. После этого его знобило, и он ощущал некоторое недомогание. На следующий день Рузвельт отправился с сыновьями на морскую прогулку. Возвращаясь с нее, всей семьей помогал тушить лесной пожар. Затем, чтобы охладиться, выкупался в холодном озере Глен Северн (хотя уже несколько дней продолжал ощущать недомогание). Затем вместе с мальчиками Рузвельт пробежал полторы мили до дому, а потом еще раз выкупался в ледяной воде — теперь уже в океане, в заливе Бэй оф Фанди.

Снова вернувшись домой, он в мокром купальном костюме сел читать почту, после чего испытал сильный озноб.

Чему тут было удивляться? Хорошо еще, что не схватил пневмонию!

Увы, было бы гораздо лучше, если бы дело обошлось воспалением легких.

То, чем заболел Рузвельт, называлось полиомиелитом. Фактически он лишился ног. Некоторое время он еще передвигался на костылях, да и то с посторонней помощью, а потом не мог даже и этого.

Ему не исполнилось еще сорока лет. Он был молод, полон энергии и не собирался сдаваться никому, даже страшной болезни. И все же сначала она привела его в полное смятение. Он обращался за помощью к различным докторам, устно и письменно излагая им историю того, что с ним произошло.

Пожалуй, последней его надеждой был доктор Уильям Эгглстон, выдающийся специалист, живший в штате Южная Каролина.

Излагая Эгглстону историю своего несчастья, Рузвельт писал: «Первые симптомы болезни появились в августе 1921 года, когда я был крайне переутомлен чрезмерной работой. Вечером у меня начался озноб, который не прекращался всю ночь. К утру ослабели коленные мышцы на правой ноге, и она уже не выдерживала моего веса. Вечером начало слабеть левое колено, и утром следующего дня я уже не мог встать. Это сопровождалось температурой сто два градуса (по Фаренгейту), и болевые ощущения были во всем теле. К концу третьего дня были затронуты практически все мышцы ниже грудной клетки. Единственным симптомом выше грудной клетки было ослабление мышц больших пальцев, что лишило меня возможности писать. Особой боли в позвоночнике и ригидности шеи не было.

На протяжении последующих двух недель мочевой пузырь приходилось опорожнять с помощью катетера, и я испытывал некоторые трудности, связанные с контролированием кишечника. Повышенная температура держалась всего лишь шесть или семь дней, но все мышцы, начиная от бедер и ниже, были чрезвычайно чувствительны, и колени приходилось поддерживать подушками. Это состояние крайнего дискомфорта продолжалось около трех недель. Затем меня доставили в нью-йоркскую больницу, а в ноябре, наконец, перевезли домой. К тому времени я уже мог сидеть в коляске, но мышцы ног продолжали оставаться крайне чувствительными, и эта чувствительность постепенно ослабевала на протяжении шести месяцев: дольше всего ее сохраняли мышцы икр.

Теперь — о лечении. Ошибка была совершена, когда в течение первых десяти дней мои ноги подвергали довольно интенсивному массажу. Этому положил конец доктор Ловетт из Бостона, который был, вне всякого сомнения, величайшим специалистом по детскому параличу.

...В феврале 1922 года на каждую ногу — от бедра до ботинка — приладили подпорки, и я мог стоять и постепенно научился ходить с костылями. Одновременно я начал делать осторожные упражнения—сначала через день, а потом ежедневно.

...Улучшение началось в это время, хотя на протяжении многих месяцев оно было медленным. Летом 1922 года я начал плавать и убедился, что это — лучшее из всех упражнений, потому что ноги становились невесомыми и я мог двигать ими в воде гораздо лучше, чем ожидал. С тех пор — то есть на протяжении последних двух лет — я, насколько это позволяла моя работа и другие обязанности, проводил то же самое лечение. В результате мышцы поразительным образом окрепли, причем улучшение в последние шесть месяцев шло еще быстрее, чем в любой другой отрезок времени.

Я по-прежнему, конечно, ношу подпорки, потому что квадрицепсы все еще недостаточно сильны, чтобы выдержать мой вес. Год назад я мог стоять в пресной воде без подпорок, если уровень воды достигал моего подбородка. Шесть месяцев назад я мог стоять в воде, если она доходила мне до верхней части плеч, а теперь — когда она доходит до подмышек».

Однако никаких новых советов Рузвельт и на этот раз не получил.

Он сам разработал для себя целую систему упражнений. В сочетании с массажем и плаванием они должны были вернуть его ногам подвижность.

Но все оказалось тщетным: в конечном итоге он добился лишь того, что руки его приобрели необычайную силу. Однажды — правда, после полуторачасовой борьбы — ему удалось вытащить из воды солидных размеров акулу.

Приходила ли ему в голову мысль о возможном близком конце? Весьма вероятно. Но характеру его была чужда рефлексия. Лишь один вопрос он не мог себе не задавать: «Хватит ли времени совершить задуманное?» И впоследствии ощущение цейтнота висело над будущим президентом, как дамоклов меч. Не смерти боялся он, а именно этого ощущения.

Потерпев поражение в борьбе с болезнью, Рузвельт сосредоточил всю свою волю и энергию на политической деятельности. Что руководило им? Жажда богатства? Стремление к власти? Мы уже знаем, что к чрезмерному обогащению будущий президент не стремился. Прельщала ли его власть как таковая? Едва ли! Ведь он хорошо помнил изречение: «Сначала ты берешь власть, а потом она захватывает тебя».

Но если власть «захватывается» во имя интересов миллионов людей — разумеется, в понимании такого человека, как Рузвельт,— то она обретает совершенно иной смысл. Рузвельт считал, что именно ради этих миллионов он должен жить, и жить полноценно.

В 1928 году Рузвельт, уже с парализованными ногами, избирается губернатором штата Нью-Йорк. Два года спустя новый триумф — он переизбран в губернаторы.

Напряженная борьба с болезнью закалила его дух. Когда он в 1932 году баллотировался в президенты, правые газеты трубили на всю Америку, что Рузвельт болен, немощен и что если его изберут, вершить судьбами страны все равно будет не он, а вице-президент, которому по конституции надлежит стать хозяином Белого дома в случае смерти президента.

Казалось бы, как мог парализованный человек привлечь своих избирателей? Что он был в состоянии сделать для них, став президентом?

Рузвельт долго размышлял над тем, какой речью начать свою предвыборную кампанию.

Можно было пойти по пути, давно прототоренному буржуазными политиканами,— перечислить несколько недостатков предыдущей администрации, столь очевидных, что с критикой их нельзя не согласиться, а затем, помня о главных нуждах избирателей, дать несколько обещаний, заранее зная, что они не будут выполнены.

От этого пути Рузвельт отказался. Хотя он и нападал на Гувера, но в условиях «великой депрессии» с самого начала было ясно, за что следует критиковать предыдущую администрацию и что нужно обещать избирателям.

Рузвельт поступил иначе. Он решил создать новый «image», образ будущего президента — подлинного избранника народа, представителя народа, не на словах, а на деле живущего для народа и во имя его.

Но как создать такой образ? Частыми обращениями к избирателям? Свойским тоном в общении с ними?

Рузвельт и в этом случае поступил по-другому. На каждом шагу он твердил о своей решимости поставить «маленького человека» в центре, или, точнее, у основания американской жизни.

— Эти тяжелые времена,— сказал Рузвельт, выступая по радио в апреле 1932 года,— требуют создания... планов, которые строятся

Р. Сахи. Род. 1926. ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕ.

Д. Мочальский. Род. 1908. НОВОСЕЛЫ.

снизу вверх, а не сверху вниз, планов, которые снова опираются на веру в забытого человека у основания экономической пирамиды.

Эти слова мгновенно запали в душу миллионам простых американцев. Предшественники Рузвельта, несмотря на все свои демагогические заверения, забывали о маленьком, рядовом человеке. Выбрав Рузвельта, Америка изберет президента для простых американцев!..

Провалившийся президент Гувер назвал Рузвельта «хамелеоном» на пестром пледе». Эти полные злобы слова потонули в рукоплесканиях, которыми «простая» Америка приветствовала «своего» президента...

В ноябре 1932 года Франклин Делано Рузвельт был избран президентом Соединенных Штатов Америки. 4 марта 1933 года он приступил к исполнению своих новых обязанностей.

Несколько лет спустя большой бизнес снова пошел в наступление на Рузвельта. Президента упрекали в том, что он заставил бизнесменов отдать много денег на осуществление правительственных проектов, мало чем компенсировав такую жертву в дальнейшем. Рузвельт ответил на это сочиненной им притчей: «Летом 1933 года один добропорядочный старый джентльмен в цилиндре упал с набережной в море. Плавать он не умел. Его друг тотчас же прыгнул в воду, спас старика, но цилиндр унесло течением. Придя в чувство, старый джентльмен стал рассыпаться в благодарностях. А теперь — три года спустя — он поносит своего спасителя за то, что ему не удалось вытащить и цилиндр».

Да, на президентских выборах 1932 года Рузвельт победил. Он исколесил всю Америку. Заковав ноги в тяжелые ортопедические аппараты и стоя на задней площадке последнего вагона. Сидя в открытой машине или привставая в ней опять-таки на специальных подпорках. Он произнес сотни речей перед избирателями. Он уверял их, что кризис преодолим, говорил о том, что в богатой Америке богатство распределено с ужасающей несправедливостью. Он призывал к тому, чтобы государство внесло элементы планирования в экономику, требовал увеличения налогов на богатых и создания за этот счет рабочих мест для безработных...

Большой бизнес тотчас объявил Рузвельта коммунистом, стремящимся похоронить капитализм, посягающим на святая святых Америки—свободное предпринимательство и частную собственность.

Но цель, которую ставил перед собой Рузвельт, состояла, конечно, не в том, чтобы похоронить капитализм, а в том, чтобы спасти его. Спасти от самоубийственного разгула и расточительства элиты, от ее недальновидности, от ведущего к катастрофе пренебрежения к нуждам миллионов бедных.

...Теперь о «Новом курсе» Рузвельта уже написаны сотни книг, где подробно рассказано о том, что предпринял новый президент и его «мозговой трест», то есть группа советников, в которую входили опытные политологи, политические журналисты, университетские профессора.

Благодаря энергичным мерам новой администрации, ломавшим всякое сопротивление со стороны большого бизнеса, кризис стал постепенно уменьшаться.

И хотя представители этого бизнеса продолжали кампанию против Рузвельта, простые американцы понимали, что страной руководит человек с ясным умом и стальной волей.

Если так относились к новому президенту миллионы американцев, никогда не видевшие его в глаза и только слышавшие его выступления по радио, то можно себе представить, как любил его персонал Белого дома. Рузвельт победил на трех выборах, победил и на четвертых... Он привык побеждать и знал, почему побеждает.

Когда демократическая партия впервые выдвинула Рузвельта кандидатом в президенты, Соединенные Штаты напоминали лес, по которому нещадно била артиллерия, а потом прошли чудовищные смерчи и ураганы. Побитые деревья, зияющие воронки от снарядов, бездомные, голодные люди, мародеры, спекулирующие на чужом горе. Первый громовой залп артиллерии кризиса грянул в 1929 году — рухнула финансовая биржа. С тех пор кризис не ослабевал. Теперь, в 1932 году, трудно было подсчитать несметное количество его жертв.

Безработица в стране возросла более чем вдвое. Четверть всей рабочей силы была выброшена на улицу. В Чикаго лишилась работы половина всего работоспособного населения. Свыше миллиона бродяг слонялось по стране без куска хлеба, без крыши над головой, без всякой надежды... В центре Нью-Йорка, в Центральном парке, возникли жалкие халупы из досок и рваного гофрированного металла. Люди все громче поговаривали о неизбежности революции. И вдруг перед миллионами отчаявшихся людей появился человек, не обещавший совершить чудо и мгновенно их спасти, но твердо заявивший, что надо принимать решительные меры, и при этом немедленно. Это был не убеленный сединами университетский профессор, не ковбой с двумя пистолетами за поясом и с лассо, которым он брался поймать и вернуть упорхнувшее из Америки счастье.

Этот человек с внешностью рядового интеллигентного американца появился на Чикагском съезде демократической партии. Все знали, что он с трудом добрался из Нью-Йорка до Чикаго. Выступая, он вцепился в края трибуны. Все поняли, что он сделал это не в порыве ораторской страсти, а просто для того, чтобы не упасть.

С трибуны съезда этот человек заявил:

— Я обещаю американскому народу новый курс!

Он предостерегал американцев от паники, призывал их к активным действиям и требовал, чтобы государство реально участвовало в решении экономических проблем. Этому человеку к тому времени уже симпатизировали миллионы простых американцев. Руководители американской индустрии и большого бизнеса поначалу опасались нового курса, объявленного Рузвельтом, его решимости внести элементы государственного планирования в тот хаос, в котором оказалась американская экономика. Теперь наиболее дальновидные из них преодолели свои страхи.

Американцы поверили Рузвельту. И он победил.

ХРАМ СБЕРЕЖЕННОГО ВРЕМЕНИ

В читальном зале.

Жители Архангельска зовут ее коротко и ласково «Добролюбовка». А полное название этого, по образному определению Мариэтты Шагинян, храма сбереженного времени — Областная научная библиотека имени Н. А. Добролюбова. Имя великого революционера-демократа она получила после своего 100-летнего юбилея. А сейчас ей исполняется 150.

Новое здание библиотеки, два года назад украсившей набережную Северной Двины,— это восемь тысяч квадратных метров книжного царства. В семи просторных читальных залах могут одновременно сесть за столы семьсот шестьдесят человек. Есть еще фонотека, лингафонный кабинет для изучающих иностранные языки, справочно-библиографический отдел и никогда не пустующий абонемент.

Сто тысяч книг только в открытом доступе! Чтобы оценить эту цифру, лучше всего вспомнить, с чего и как начиналась архангельская библиотека. Об этом я прошу К. И. Цветкову, заслуженного работника культуры РСФСР. Капитолина Ивановна больше двадцати лет является директором «Добролюбовки».

— Архангельская публичная библиотека, как и большинство губернских,— рассказывает директор,— открылась по инициативе Вольного экономического общества, объединявшего ученых и деятелей сельского хозяйства и промышленности России. В жизни нашего города это было заметное событие. Сохранился любопытный документ, где описывается церемония открытия. Все было как полагается: 30 августа 1833 года в кафедральном соборе при большом стечении публики, где присутствовали господа «военный и гражданский губернаторы с прочими гг. чиновниками и гражданами», приглашенными «для сего особыми печатными объявлениями». Официальная часть кончалась чтением предписания министра внутренних дел. Так открылась наша библиотека с фондом в 317 книг и бюджетом 57 рублей.

Интересно сравнить цифры: в первый год жизни библиотеки ее посетили 50 человек, а на дом брали книги 37 мужчин и одна женщина. XX век Архангельская публичная библиотека встретила со 116 читателями, ее фонд насчитывал пять тысяч книг. А за один советский год выдается 69 тысяч книг, в десять раз больше, чем за четыре последних дореволюционных.

— Для нас важно формировать квалифицированного читателя,— продолжает Капитолина Ивановна,— это одна из главных сегодняшних задач. Наша библиотека научная, но доступ в нее открыт всем. И квалифицированный читатель — это не обязательно специалист в какой-то области, чаще всего именно специалиста нужно сделать квалифицированным читателем. То есть он должен знать возможности своей библиотеки и свои возможности в ней. Скажем, нужна какая-то книга, читатель идет в открытый фонд и ищет ее в соответствующем разделе, а не найдя, вместо того чтобы обратиться в межбиблиотечный абонемент, разводит руками: дескать, нет, и ничего не поделаешь.

Архангельская областная научная библиотека одна из крупнейших на европейском Севере. В ее фондах более полутора миллионов единиц хранения. Особую ценность представляет краеведческая часть фонда. Старший редактор-краевед Галина Мартемьяновна Кошелева много лет тщательно собирает, бережно хранит, систематизирует все материалы, касающиеся русского Севера. Под ее редакцией регулярно публикуются библиографические справочники по этой части фонда. И самое почетное место в нем принадлежит великому помору М. В. Ломоносову — печатные труды ученого и литература о нем. Здесь же хранятся прижизненные издания книг Ломоносова, который очень много сделал для развития родного Севера.

Ю. СУРХАЙХАНОВ, фото автора

НАШ ХАРЬКОВ

А. ЯРОШЕНКО
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Август 1943 года. Маршал Г. К. Жуков и генерал И. С. Конев под Харьковом.

Вокзал в Харькове. Фото Я. Рюмкина

«Сегодня, 23 августа, войска Степного фронта при активном содействии с флангов войск Воронежского и Юго-Западного фронтов в результате ожесточенных боев сломили сопротивление противника и штурмом взяли город Харьков».

Эти строки из приказа Верховного Главнокомандующего, прозвучавшие по радио сорок лет назад, венчали одно из величайших сражений войны — битву под Курском. Ничто не могло остановить могучий наступательный порыв наших армий. Опасаясь полного окружения и готовясь к отходу, противник приступил к выполнению варварского замысла: загрохотали взрывы, взметнулись столбы огня и дыма — гитлеровцы решили превратить город в руины.

Таким Харьков и предстал взору доблестных воинов-освободителей. Ленты кинохроники, фотоснимки военных лет запечатлели горы битого кирпича, рухнувшие наземь крыши домов и целые заводские пролеты, разъятые взрывами железобетонные конструкции... Но уже появились самодельные таблички и плакаты с ликующими словами: «Харьков наш!»

Г. Н. Леонов сейчас журналист-тассовец, а тогда, в грозном сорок третьем, был разведчиком. Вот что писал о нем в своей книге «В битве за Харьков» командующий 53-й армией, действовавшей в составе Степного фронта, Герой Советского Союза генерал-полковник И. М. Манагаров:

«Ефрейтор Георгий Леонов был самым молодым разведчиком 252-й Харьковской стрелковой дивизии. На его счету больше десяти солдат противника, лично им плененных в ночных поисках. Приведу лишь один эпизод из боевой работы разведчиков. Когда перед группой ефрейтора Леонова поставили задачу захватить «языка», он вместе с другими разведчиками скрытно подполз к вражеским траншеям. До противника оставалось 8—10 метров. Леонов жестом подал команду и первым прыгнул в траншею. Гитлеровцы оказали упорное сопротивление. Один из них прицелился в Леонова, но не успел выстрелить, упал, прошитый короткой очередью. Четверо фашистов пытались спастись бегством, но и их настигли пули смельчаков. Фельдфебель занес гранату для броска. В тот же миг Леонов прикладом автомата оглушил гитлеровца. Разведчики захватили «языка», уничтожили двадцать фрицев и вместе с ценными документами, без потерь возвратились к своим...»

А в сорок пятом Г. Н. Леонову посчастливилось быть участником Парада Победы в Москве.

Герой Социалистического Труда, бригадир слесарей-сборщиков турбин Н. К. Саулов мальчишкой попал в грозное пламя войны. Он воочию видел ее ужасы и зверства фашистов. Вместе с матерью и сотнями других таких же, как они, их гнали в рабство. Мать по дороге умерла, а мальчика спасли. Потом он стал сыном полка, дошел в солдатской шинели до стен рейхстага... Сборка турбин-гигантов и особенно установка рабочих лопаток на роторах — чрезвычайно сложное дело, но бригада, которую возглавляет делегат XXVI съезда КПСС Н. К. Саулов, выполняет эту работу только на «отлично».

...Красавец Харьков необыкновенно разросся. На карте этого полуторамиллионного города появились новые микрорайоны, возведены дворцы спорта и дома культуры, универсамы, современные кинотеатры, действует второй в республике метрополитен. Конечно же, главная заслуга в этом принадлежит строителям, среди которых немало фронтовиков. К своим боевым наградам прибавил Золотую Звезду Героя Социалистического Труда бывший минер-разведчик В. С. Плахотин — бригадир комплексной бригады монтажников домостроительного комбината № 1. Это его коллектив первым в республике освоил поточный метод возведения крупнопанельных домов «с колес», положив тем самым начало скоростному жилищному строительству.

Сегодняшний Харьков — это город высокоразвитой индустрии и передовой науки, город, который растет и строится, город, устремленный в завтра.

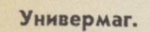
У мемориального комплекса Вечной Славы ветераны войны — участники освобождения Харькова.

Новый жилой массив — Салтовский.

Молодожены Людмила и Василий Зыковы учатся в Харьковском медицинском институте.

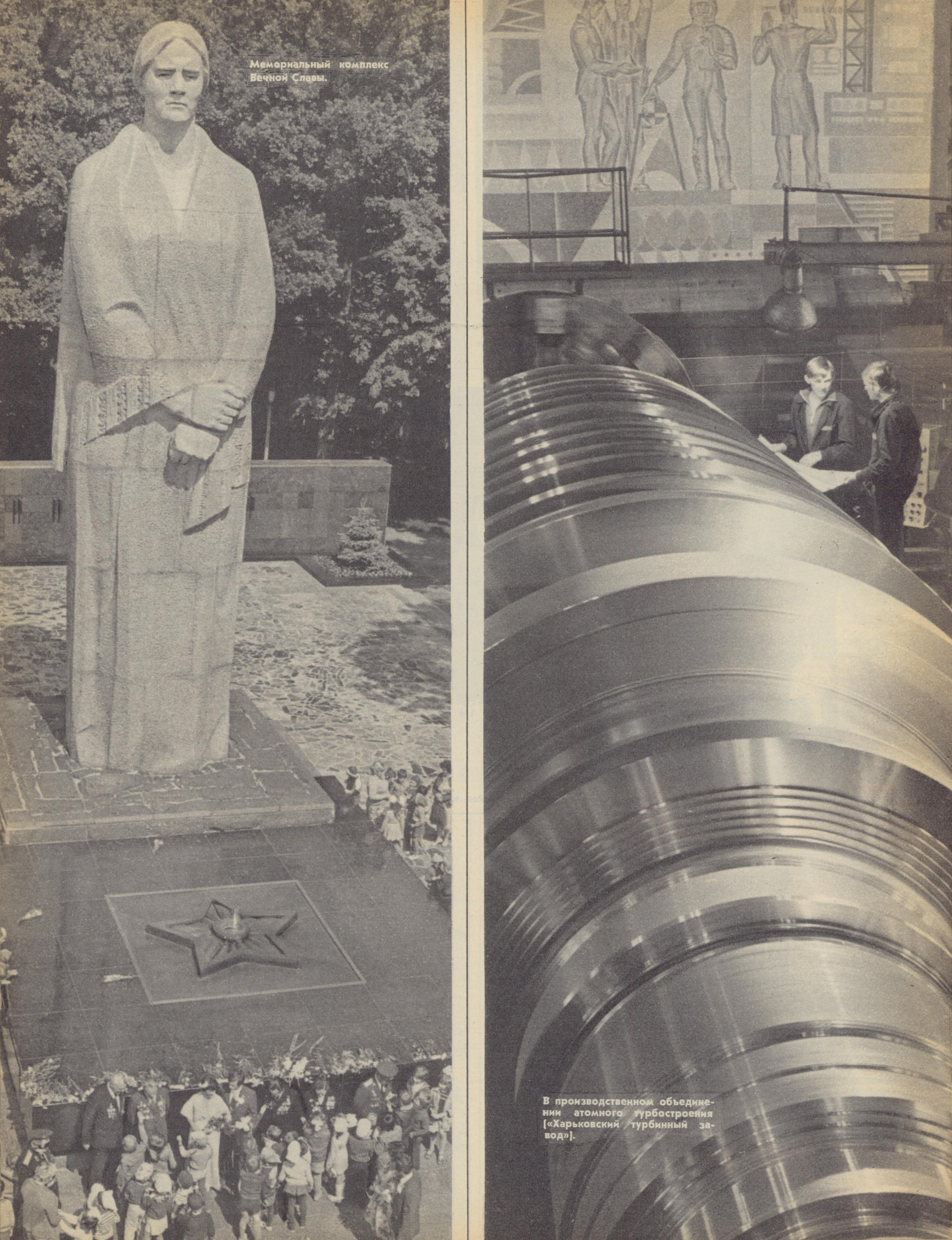

Универмаг.

Знаменитость города — Харьковский тракторный.

Мемориальный комплекс Вечной Славы.

В производственном объединении атомного турбостроения («Харьковский турбинный завод»).

Бригадир сборочно-испытательного цеха, Герой Социалистического Труда, делегат XXVI съезда КПСС Н. К. Саулов.

●

А что такое годы?
Вы их в лицо видали?
Заоблачные горы
Или степные дали?
Стучащие колеса
Над побуревшей кручей
Или речные плесы,
Разгневанные тучей?
Крутые наши годы,
Вы розны и едины,—
От страшной непогоды
Морозные седины,
Ночь над Полярным кругом
И свет в окошке отчем,
Прощанье с лучшим другом
И худшим, между прочим,
Вы днями поколений
Слились в сплошную реку...
По капельке мгновений
Нужны вы человеку.

ПРОСТОР ТРОПЫ

Сухая шелестит трава
Под сеющейся крупкою.
Бежит, заметная едва,
Тропы полоска хрупкая.

Как на ладони ручеек.
На ней познал ты многое,
И стала тропка, выпал срок,
Нелегкою дорогою.

Дорога вылилась в большак,
Не быстрая, не робкая,
А все равно ты каждый шаг
Сверяешь с отчей тропкою.

Не потому ль у нас в крови
Любовь к большому — с малого...
На этом ручейке любви
Все обретаешь заново.

По этой узенькой тропе
Ты вышел из младенчества...
Отечество в твоей судьбе,
Как ты в судьбе Отечества.

ДЕДЫ

Он как будто живая загадка,
Молчаливый наш новый сосед.
Смотрит, словно играет в прятки,
И не стар, а формально — дед.
Говорит, лишних слов не тратя,
Так, как будто слова жует.
Он у дочери и у зятя
Как бы нянькой при внучке живет.
Он не курит, ни в рот —
спиртного.
Может, он и хороший сосед...
Только вспомнил я деда иного
Из далеких мальчишеских лет.
Не иначе, как дядей Петей
Мы всей улицей звали его.
Дяди Пети уж нет на свете,
Есть лишь холмик, поросший
травой.
Помню, как он нас брал
на рыбалку,
Мы с ночевкой ходили, мальцы,
Как водил нас в степную балку,
Где маевку встречали отцы.
Как по улице нашей дощатой
Отправлялся в последний путь.
Не сказав на прощанье: «Малята!»,
Он как будто ушел отдохнуть...
Деды, деды тех дней
быстротечных,
Вас почти не осталось уже,
Уходящих от нас, но вечных
И на смертном своем рубеже.
Знали вас: пролетарская стачка,
Баррикады на мостовой,
В котловане — кирка и тачка,
И буденовки свист ветровой.
Ваши добрые, крепкие руки
Выручали Отчизну не раз...
Были б только хорошими внуки
И чуть-чуть походили на вас.

БЕТОН

Совсем не из умысла злого,
А просто кому-то в тон
Ты бросил обидное слово:
«Не строки — железобетон...»

Связуя два разных явленья,
Подумаю, не торопясь:
Порою такие сравненья
Имеют обратную связь.

Стихи — не на праздник обновка,
Небыстрые к моде они,
И муза в рабочей спецовке
Бывает солдатской сродни.

И жаль мне, быть может,
не строчек
Отвергнутых чьих-то стихов...
Строительных вспомнил рабочих
Из обожженных цехов.

Весна сорок пятого года.
Еще громыхала война —
В руинах родного завода
Травой прорастала она.

И небо смотрело хмуро,
И пел воробей: «Жив-жив...»
Торчала в камнях арматура
Подобием рваных жил.

Средь звуков металла нестройных
Не рокот в ушах, а стон
Стальных молотков отбойных,
Срывающих старый бетон.

А новый в опалубку лился,
И, накрепко схваченный, он
Основой всему становился,
Победной весны бетон.

ЗА ПЕРЕВАЛОМ

Не раз я наблюдал, бывало,
Свеченье утренней гряды:
Казалось, там, за перевалом,
Сияют райские сады.
Порою та гряда казалась
Гигантским пламенем костра,
Когда ее вершин касалась
Лучей рассветная игра...
И вот я здесь, за перевалом,
Что виделся издалека
В луче зари кроваво-алом,
Костром придымленным слегка.
Где вы, садов зеленых кущи?
Здесь даже камни горячи.
Встречает в скалах день грядущий
Аул старинный Кубачи.
Живут в нем правнуки и внуки,
Как жили деды искони.
Я видел их большие руки,
Как чудеса творят они.
Сама поэзия витала,
И оживал в руках металл —
На солнечном куске металла
Цветок волшебный расцветал.
Да, здесь вершат совсем
не боги —
Извечной красоты рабы,
Певцы своей земной дороги,
Чеканщики своей судьбы.
И сам аул глядится в скалах,
Как изваяние резца.
И понял я:
Заря вставала
От горна
Златокузнеца.

●

Как нам писать,
От поезда отставшим,
В наивных поисках немало
помотавшим?
Колесный гром годов отгрохотал,
И новых рифм накатывает вал...
Писать, сиюминутству потакая?
А может быть, от суеты бежать?
Из моды корень смысла извлекая,
Себя бациллой моды заражать?
А поезд устремился
Не по кругу —
Он по прямой несется в зной
и вьюгу,
Ах, сколько дивной новизны
с утра:
И хрупкий свет,
И синие ветра.
Одно стремленье у него —
вперед! —
В неудержимом ритме
сумасшедшем.
Но суть-то в чем?
Он землю обогнет,
Опять
К началу своему придет...
Так возвращается к нам
Новое
В прошедшем.

●

Щегол поет на сосне
Об улетевшей весне,
О наступившем лете
Поет щегол на рассвете...
Лужайка. Дети играют,
Резиновый мяч гоняют.
Им, детям, не до щегла,
У них, у детей, игра.
Бегают весело в прятки
На детской своей площадке.
Поет щегол на сосне.
О чем он напомнил мне?
Летит тополиный пух.
Года обостряют слух.
И давний тот птичий гам
Теперь долетает к нам.
В дому моем осень давно.
И стало б совсем темно,
Когда б не щегол на сосне,
Ни светлая грусть о весне.

МОРЕ НЕ ДЛЯ ОТДЫХА...

Неспокойно с утра
Море у причала.
Но рыбачьи катера
Чутко ждут сигнала.
Новый день приносит нам
Новые заботы.
Море не для отдыха —
Море для работы.

За волной бежит волна
На песок горячий,
Эй, ты, боцман, старина,
Пожелай удачи!
Берег отдаляется,
Вслед нам машет кто-то.
Море не для отдыха —
Море для работы.

Что б ни сталось впереди,
Бури или грозы,
Только ты, родная, жди
У седой березы.
По плечу нам шторм любой,
С ним сведем мы счеты.
Море не для отдыха —
Море для работы.

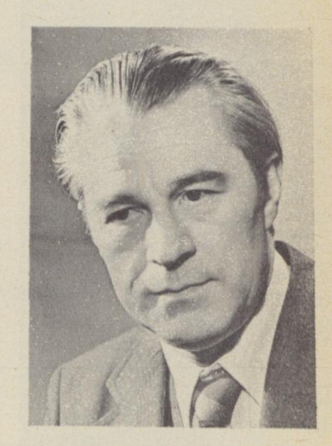
Ветер гонит облака,
Ветер на просторе.
Согревает рыбака
Та березка в море.
Новый день приносит нам
Новые заботы.
Море не для отдыха —
Море для работы.

●

К тебе среди лета вернуться —
На голос проселочный твой,
Как в детство свое окунуться,
Тоски родниковой коснуться
С едва пожелтевшей листвой.
О родина, степь зоревая,
В ночи сквозь чужие снега
Мне чудилась струйка живая:
Тепло твоего очага.
Вьюнок полевой у кювета,
Поросшего вдоль колеи,
И пыльные полосы света,
И светлые тени твои...

Виктор **ЯКОВЕНКО**

Отечество в твоей судьбе

«огонек» выступил. что сделано?

«Отпуск, курорты и проблемы» — так называлось интервью с И. Козловым, председателем Центрального совета по управлению курортами профсоюзов, опубликованное в «Огоньке» (см. № 22 за 1982 год). В нем речь шла о мерах, направленных на сохранение окружающей среды, о состоянии водоемов и атмосферы. Были приведены конкретные примеры, говорящие о том, что в некоторых районах исполкомы местных Советов народных депутатов не проявляют должной требовательности к руководителям промышленных, транспортных и сельскохозяйственных предприятий, которые загрязняют атмосферу курортов выхлопными газами, ядохимикатами, отходами производства.

ПРОБЛЕМЫ ОСТАЮТСЯ

Когда выведут моторемонтный завод из Пятигорска! * Почему так медленно идет возобновление Баталинского источника! * В Приморье морская вода в заливе все еще загрязняется промышленными стоками.

В интервью говорилось о том, что не выполняются решения по охране всемирно известных источников кавказских Минеральных Вод, что пришлось в результате закрыть знаменитый Баталинский источник, поставлявший Ессентуки № 20... Вот что ответил по этому поводу И. Таранов, председатель Ставропольского крайисполкома:

«Крайисполком рассмотрел опубликованное в журнале «Огонек» интервью и считает, что в нем правильно отражены недостатки, имеющие место на курортах Кавказских Минеральных Вод. Крайисполком ведет постоянную работу по охране окружающей среды и освобождению курортов от промышленных предприятий и хозяйственных организаций, не связанных с их обслуживанием. За последние годы закрыты все каменные и известняковые карьеры, находившиеся в районе городов-курортов и отрицательно влиявшие на сохранение целебных источников.

В 1970 году вышло распоряжение Совета Министров РСФСР, предусматривавшее вывод 19 промышленных предприятий, однако полностью выведено 12. Кроме того, по решению крайисполкома из Кисловодска были выведены заготконтора вторичного сырья и оптовая база райпотребсоюза».

Далее И. Таранов сообщает, что «до сего времени не выведены из Пятигорска моторемонтный завод Минавтотранса РСФСР, опытный завод «Энергоавтоматика» Минэнерго СССР, пассажирское автохозяйство № 1 Минавтотранса РСФСР; из гор. Ессентуки — заготсбытбаза Роспотребсоюза, и не проведена реконструкция Кисловодского мясокомбината Минпищепрома РСФСР. По сообщениям министерств, их вывод предусматривается завершить в 12-й пятилетке».

Все еще только «принимаются меры по изменению методов защиты растений от вредителей сада с тем, чтобы обработка не влияла на источник».

Что же касается мер по возобновлению Баталинского источника, то приходится лишь удивляться медлительности в их осуществлении. Только «в 1984 году завершится сооружение коллектора, через который будет вестись сброс сточных вод в построенные новые очистные сооружения города Минеральные Воды, что значительно улучшит санитарное состояние Железноводска и благоприятно скажется на формировании целебных источников».

В интервью упоминался детский курорт Анапа, лечебные грязи которого засоряются гербицидами и ядохимикатами. Заместитель председателя Краснодарского крайисполкома Н. Елисеев в своем письме сообщает, что «решением от 11 мая 1983 года утвержден проект округа санитарной охраны курорта Анапа, в соответствии с которым в этой зоне планируется прекращение сброса неочищенных сточных вод в Витязевский и Кизилташский лиманы, переход на применение в основном биологических мер борьбы с вредителями растений, вынос из 2-й зоны санитарной охраны курорта животноводческих объектов и складов ядохимикатов и ряд других природоохранных мер.

Решение крайисполкома направлено для утверждения в Совет Министров РСФСР».

Ю. Бахтин, председатель Крымского облисполкома, отмечает, что правильно упомянуто в «Огоньке» о загрязнении лечебного озера Саки, воздушного бассейна и прибрежной зоны химическим заводом, что вопросы эти «были рассмотрены на заседании Комиссии Президиума Совета Министров СССР по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов. Согласно принятому постановлению от 13 января 1983 года № 1, Минхимпрому поручено в одиннадцатой пятилетке принять срочные необходимые меры к осуществлению на Сакском химическом заводе всех природоохранных мероприятий, обеспечивающих полное прекращение вредных выбросов этим предприятием в окружающую среду, а также выноса вредных производств его за пределы санитарной зоны курорта Саки.

В настоящее время в районе озера Саки ведутся работы по укреплению разделительной дамбы, ограждающей лечебную ее часть от накопления промстоков завода. Построен 1900-метровый морской глубоководный выпуск для сброса очищенных промстоков. Однако строительство очистных сооружений заводом и трестом «Евпаториястрой» будет начато во втором полугодии текущего года.

В мае 1983 года в области работала специальная Комиссия по проверке хода реализации мероприятий природоохранного назначения. Выводы этой комиссии обсуждены на расширенном заседании облисполкома. Приняты дополнительные меры по осуществлению всех экологических мероприятий, особенно в курортной зоне. Руководители, виновные в невыполнении отдельных мероприятий, привлечены к административной ответственности.

В соответствии с принятым решением облисполкома от 26 мая 1983 года «О ходе выполнения постановлений партии и правительства по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов» в области намечена дополнительная широкая система мер по усилению работы по охране окружающей среды».

Редакция обращалась также в Приморский крайисполком. Крайне неблагополучная обстановка сложилась здесь в заливе Угловом, в районе курорта «Садгород». Вода в заливе загрязнена, на побережье много промышленных предприятий, большую опасность таит дюкер; проложенный по дну залива...

Д. Карабанов, заместитель председателя Приморского крайисполкома, в первых же строчках письма опроверг опубликованное:

«...Оценка этого положения дел с загрязнением залива Угловой недосотверна. На побережье этого залива и вблизи от него расположено несколько (а не много) промышленных предприятий, сточные воды которых в залив не сбрасываются...»

Каково же положение дел на самом деле?

Наш корреспондент ознакомился с объемным томом отчета Дальневосточного территориального совета по курортам, отчета, недавно поступившего в Москву. Курортная зона узкой, 12-километровой полосой протянулась вдоль Углового залива и разорвана в центральной части промышленным и коммунальным районом. На схеме видно, что тут расположен фанерный завод, винный комбинат, обувная фабрика, фарфоровый и кирпичные заводы, автохозяйства и автобазы, Надеждинская птицефабрика, бойня, шиноремонтный завод... — не несколько, как утверждается в ответе, а намного более десяти различных предприятий. В курортной зоне до сих пор находится туберкулезная больница, а ее пребывание здесь, так же как и бойни, складов горючего и автобазы, несовместимо с требованиями санитарного режима. Кроме того, в прибрежной зоне здания и ферма крупного рогатого скота совхоза «Артемовский», причем выпас животных происходит в пойме, что нарушает всякие санитарные нормы. Территория от лодочной станции до восточных границ залива захламлена шлаком, металлоломом, мусором, здесь много частных лодочных гаражей...

Одновременно в ответе утверждается, что сточные воды в залив не сбрасываются. Обратимся снова к документам. Данные санитарно-бактериологического исследования морской воды, взятой в заливе Угловом, показали, что ни по одному из параметров она не соответствует установленным нормам и не может быть использована без специальной обработки и очистки для водных процедур типа лечебных ванн и душей. Очистные сооружения работают с большой перегрузкой. Их проектная мощность — тысяча кубометров в сутки, пропускается же в два раза большее количество, залпом; из-за кратковременного контакта с обеззараживающим раствором очищения не происходит.

Далее. В залив Угловой впадает около двадцати рек и ручьев, и почти каждый из них — источник загрязнения. Л. Бубнов, начальник управления по изысканию, эксплуатации и охране природных лечебных ресурсов Центрального совета, показывает таблицу бактериологического анализа речной воды: она значительно превышает норму по аммонию, по железу (река Седанка), по содержанию твердых и органических частиц, особенно в реке Грязной, полностью оправдывающей свое название. Автобазы и автохозяйства не имеют нефтеловушек, в результате нефтепродукты засоряют грунтовые воды и воды рек Саперка, Песчаная, Галкина. В поселке Подгородненка отстойники захламлены, сточные воды шахты в значительной степени вытекают через прорыв в коллекторе в ручей, впадающий в речку Песчанку, а та несет их в залив.

В общем, фактов, говорящих о том, что морская вода в заливе загрязнена промышленными стоками, более чем достаточно. Если бы только морская вода! Еще хуже обстоит дело с месторождениями целебных грязей. Пробы, взятые недавно с режимных точек, показали: только пятнадцать процентов соответствует санитарным нормам, и то только по микробному составу. Из заложенных в прошлом году в емкости лечебных грязей пригодно для процедур ничтожное количество, всего лишь один процент, остальные необходимо отстаивать и очищать.

Что же касается дюкера (построенного временно), сроки эксплуатации которого давным-давно истекли, то ситуация здесь возникла такая. Дальневосточный территориальный совет с самого начала был категорически против его сооружения по дну Углового залива. Не изменилась эта точка зрения и сейчас, когда введен в эксплуатацию в 1982 году вместо временного новый, который, как сообщается в письме Приморского краевого Совета народных депутатов, «...достаточно надежен и передает все сточные воды района, прилегающего к заливу Угловой, на очистные сооружения...». Дело же не в том — временный он или постоянный, — все равно степень опасности, которая может возникнуть, нисколько не уменьшается. Дюкера тут, в курортной зоне, вообще не должно быть!

Итак, анализ писем, поступивших в редакцию, показывает что местные Советы с должной ответственностью отнеслись к вопросам, поднятым в интервью, опубликованном год назад. Иные проблемы действительно требуют времени и не могут быть решены очень скоро и остаются, к сожалению, во всей своей остроте. Удивляет, однако, позиция, занятая Приморским крайисполкомом. Курорт «Садгород» нуждается в надежной защите, а целебные месторождения в таком состоянии, что их надо немедленно спасать.

Редакция журнала «Огонек» ждет от Приморского крайисполкома не отписок, а принятия действенных конкретных мер, предотвращающих загрязнение среды, окружающей побережье залива. А пока желаемое здесь выдается за действительное.

Обзор подготовила
Г. ВЛАДИМИРОВА.

Я землю люблю, ее хлеб, битву на ней, и мне понятен ее язык.
Назым Хикмет.

ДЕВЯТЬ ЭТАЖЕЙ РЕНТАБЕЛЬНОСТИ

Алексей МАСЛОВ, специальный корреспондент «Огонька», фото автора

В 1963 году в августе месяце мне случилось проезжать Среднюю Азию со стороны озера Балхаш, через Ташкент на Фергану, Душанбе. Ехал я на мотоцикле, был молод, и трудности дальнего пути меня не смущали.

Ферганская долина с перевала Камчик открылась мне чашей, обрамленной белесыми акырами. Черная магистраль была пустынна, и я катился вниз, как в жерло гигантской печи.

Кто бывал в Средней Азии и видел, как раскаленная земля заставляет струиться застывший воздух, знает, что такое пиала чая под сенью карагача. Его могучую крону видно издали. Он как маяк, как глоток воды, прохладная гавань для опаленного зноем путника: для «дальнебойщика» ли, ведущего свой трайлер бог знает в какие края; новоиспеченного автотуриста, от привалившего счастья упаковавшего в сверкающую свою «Ладу» тещу, жену, ворох любознательных ребятишек и пару канистр на случай энергокризиса; для высохшего, как саксаул, аксакала, восседающего с пиалой на широком топчане, мудрого и безучастного ко всему, как и само время... Словом, карагач — это не только могучее дерево, перед которым отступает пустыня, карагач — это нечто большее...

...Еще издали в стороне от дороги приметил я островок оазиса. Выключил зажигание, снял шлем с мокрой головы и тихо подкатил к зеленой пристани. Два старика в ватных халатах вежливо ответили на мое «салям».

— Сколько же лет этому дереву, почтеннейший? — заказывая чайник, спросил я чайханщика.

— Больше, чем двести,— со сдержанной гордостью отвечал он.

Замечу здесь, в те времена не было еще такого обилия любознательного люда, охваченного, как сегодня, «охотой к перемене мест». Жигули — название красивого холмистого лесного массива на Волге — еще не вызывало тогда ассоциаций, связанных с колюче-деляческим словечком «сервис». Жигули были роднее, ближе, пахли пивом, знакомой улицей. От этого слова веяло волжским простором, и не было в нем и намека на этикеточно-хромовое благополучие Запада. Одним словом, «Жигули» тогда еще не начали триумфальной оккупации простодушного нашего пространства. Это говорю я к тому, что и чайханщик мой, видимо, не успел еще причислить себя к «сфере обслуживания». Наверное, Джафар считал себя просто хозяином чайханы, а меня — путником. Быть может, поэтому он отказался от денег за выпитый мной чай и рассказал по-дружески историю своего примечательного во всех отношениях дерева.

Карагач этот посадил человек по имени Одыл. Было это давно, никто не помнит те времена, но старики говорят, будто на месте, где стоит чайхана, сходились три тропы, что именно отсюда начиналась дорога через мертвые акыры к перевалу на далекий Ташкент. Каждый день из года в год с кувшином воды приходил к своему дереву Одыл ака из родного кишлака Гурумсарай, а путь был не малый — 18 верст в один конец.

Когда дерево стало большим и сильным, аксакал Одыл сотворил молитву и умер. «Да хранит аллах его имя»,— так закончил свой рассказ Джафар ака, воздев ладони и глаза к зеленому своду.

Разве мог тогда предположить я, что все услышанное мной не легенда, что через двадцать лет судьба вновь приведет меня под этот карагач, в те самые места...

Кишлак Гурумсарай лежит в стороне от скоростной трассы на Коканд, Фергану, Андижан. Нет в нем ни разрушенных временем памятников архитектуры, ни красочного базара. Ничто не остановит внимания любителя экзотики, и, если чему и подивится он здесь, так это «шедеврам» Степы, московского художника, малюющего могучей кистью с фотографий и продающего тут же оптом — и не худо продающего — портреты наших выдающихся современников. Да что Степа! «Кто ж зевает теперь на должности?» — говаривал в свои времена Гоголь. Степан никого не обижает, берет там, где дают... «За что же другие благоденствуют и почему должен я пропасть червем?» — вполне на манер Чичикова скажет он на наше замечание относительно пагубного влияния халтуры на умы и чувства людей.

Впрочем, оставим Степу. Не о нем разговор. Но чувствую, как это ни покажется странным, что по мере развития сюжета физиономия его появится в каком-нибудь окошечке этого очерка, задуманного так, чтобы в центре его ретроспективы можно было рассмотреть согбенную, но величественную фигуру старца с кувшином воды, ступающего в мареве закатного солнца, и среди безжизненно-желтых акыров — молодой карагач...

Я приехал в Гурумсарай, чтобы поближе познакомиться с человеком, однажды виденным мною. При первой же встрече он чрезвычайно располагает к себе. О нем и его хозяйстве много написано, но, на мой взгляд, рассказано мало. Видимо, потому, что любая сосна лучше своего описания.

...Есть в слове «эксперимент» оттенок некой предусмотрительной осторожности. Эдакое: получится — прекрасно! Не выйдет — что поделаешь? Хотели-то как лучше, а оно, вишь ты, получилось каким-то боком!

Гурумсарай — центральная усадьба агропромышленного объединения, которое до сих пор носит название «экспериментального». Двенадцать совхозов и несколько промышленных предприятий объединены в единый хозяйственный механизм. Со дня его организации прошло шесть лет. Каковы итоги?

Сейчас уже я могу рассказать об этом. О размахе ирригационного строительства; о городах, как миражи, возникающих в пустыне; о новых цехах и целых заводах; о строительстве сети шоссейных дорог, мощнейших насосных станций и водохранилищ; об освоении безжизненных акыров под хлопковые поля; о тучных отарах и стадах скота; сазанах, чавкающих в зеркальных прудах; чеках рисовых плантаций на месте раскаленных солнцем барханов. Могу, но думаю, что во всех отношениях убедительнее это сделает сам генеральный директор объединения, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР Ахмаджан Одилович Одилов.

РАССКАЗ ОДИЛОВА

— Ландшафт земель нашего объединения не назовешь привлекательным: семь тысяч гектаров пашни, пригодной к поливному земледелию, все остальное — пески, галечник, солончаки, болота и горы...

Будто природа полюбопытствовала: на тебе, человек, что у меня есть, ты ведь у меня богатырь, вот я и посмотрю, как ты здесь устроишь свою жизнь, на что ты способен...

Но природа, наверное, не знала, что есть у нас одно слово. Слово это — «хашар» — всегда выручало нас в беде. «Хашар» — значит дружно, всем миром: построить ли мост через реку, восстановить дом соседа, пострадав-

---

На одном из полевых станов совхоза «Новбахор». Слово взял рабочий Аликум Рахманов. * На бывших такырах раскинутся хлопковые плантации совхоза «Дружба».

На развороте вкладки: Довуджон Одылов, знатный бригадир хлопкоробов совхоза «Ташкент» * Долгожданная первая вода! * Хлопок — гордость Узбекистана.

ший от землетрясения, проложить канал через пустыню. В 1939 году по призыву большевиков сто шестьдесят тысяч колхозников вышли на грандиозный хашар и прорыли за сорок пять дней Большой Ферганский канал — ни много ни мало новое русло длиной в 270 километров, по которому щедрая Сырдарья оросила безводные земли Ферганы. Хашар — это праздник, на который всегда съезжаются народные певцы и музыканты, а рев карнаев, огромных труб, сотрясающих небо, даже ленивых заставляет вспомнить о совести.

В свое время кем я только не работал. Короче, люблю землю и кое-что знаю о ней. В 1957 году меня выбрали председателем колхоза. Через восемь лет на его базе был создан многоотраслевой совхоз, специализированный в основном на производстве хлопка-сырца, однако занимались мы и шелководством, разведением крупного рогатого скота, овцеводством, было и плодоовощное хозяйство.

В других хозяйствах наблюдал я такую же картину. Отраслей много, сил мало — следовательно, эффективность производства оставалась низкой. Много передумал я. Опыт подсказывал: только слияние нескольких хозяйств в один организм позволит сконцентрировать имеющиеся ресурсы — трудовые, материально-технические, финансовые... Останавливали, правда, примеры, когда под флагом организации крупных комплексов ликвидировались колхозные и совхозные фермы, что вызывало сокращение производства животноводческой продукции. Но я понимал, чувствовал, что дело не в принципе, губителен здесь формальный подход к такому сложному делу, как объединение хозяйств...

Наконец, все взвесив, я обратился в ЦК компартии республики с предложением о создании в качестве эксперимента агропромышленного объединения на базе совхоза имени Ленина. И в ЦК дали «добро».

* * *

— ...Тяжелый такой выпал в финале соперник. 183 кг. Всех затолкал. Сам был я подготовлен хорошо, так думал: поставь машину — переверну,— показывая головой на «КамАЗ», приткнувшийся лбом в тень конторы, смахивая капли пота, сбегавшие по лицу и вытирая могучую шею, говорил он.

«Этот перевернет»,— ничуть не усомнившись в его способностях, с невольным почтением оценивая его квадратные плечи, подумал я.

— Рисс была у него фамилия. Я выиграл чисто. На третьей минуте ему уже нашатырь нюхать давали. Тяжелый такой, еле подняли.

...Топчан, на котором мы пили чай, стоял под кроной акации на краю небольшой, но чистой площади, залитой жарким асфальтом. Тень съежилась, мы незаметно оказались на солнцепеке, но Сотвалди Зиятов не замечал этого. Он вернулся в молодость, и мысли его были где-то там, в Токио, где, стоя на пьедестале, он почувствовал то, что может чувствовать только чемпион мира в тот миг, когда звучит в честь его победы гимн Родины, и сказал:

— Очень мне понравились в Японии дети. Красивые, золотистые... Я прямо любовался.

— Так у вас своих хватает, наверное? — спросил я.

— Двенадцать,— подливая мне чай, с некой гордостью отвечал он.— Да, в Японии дети мне очень понравились.— И так он сказал про детей, что потянуло меня домой и холодной рукой кто-то коснулся будто бы моего сердца.

...Давно я оставил спорт. Но отчетливо вижу, как там, внизу, в квадрате, залитом электричеством, не дипломаты, а мужчины, вооруженные только своим искусством, своими мышцами и волей к победе, один на один в турнире рыцарей отстаивают свое достоинство и честь Родины. Я оставил спорт, но сохранил глубокое уважение к человеку, выходящему на помост, арену, стартовую черту, отделяющие тысячи зрителей от Его полета, Его боя, Его яростного усилия быть выше, сильнее, быстрее всех и всего на этой планете. Оставил, но в душе храню веру, что в жизни, как и в честном бою, пусть что бы то ни было, всегда победит сильнейший.

...Сотвалди вернулся в родной Коканд, увенчанный лаврами. Палван ака — с почтением называли его земляки. По-русски богатырь значит. Его и сейчас редко зовут по имени. Вернулся палван, и началась у него болезнь, распространенная среди знаменитостей. Первые симптомы ее: вседозволенность и резко против нормы повышенное самомнение. Лечить «звездную» болезнь некому. Ведь все счастливы не только выпить, но даже постоять рядом со знаменитостью. Делать что-нибудь, когда все только: «Чего изволите, палван ака?», «Сейчас будет исполнено, палван ака»,— руки не поднимаются, а это, знаете, тоже не жизнь. И заскучал палван ака. Как он мне сказал: «Чуть,— говорит,— бандитом не стал». Неизвестно, чем бы его популярность кончилась, если бы не оказался он в одной поездке с Ахмаджаном Одиловым. «Ну что, палван ака,— будто между прочим сказал Одилов.— Ты смог стать самым сильным среди людей. А хватит у тебя силы и характера с пустыней сразиться?»

Поезд шел тогда по Голодной степи. На этом разговор не кончился; когда началось наступление на зыбучие барханы Ачиккуля, Сотвалди Зиятов был впереди.

— Такая погода бывала — собака, если случайно попадет в песок, так нет, чтобы бежать, она сучит ногами, будто попала на сковородку,— рассказывал он.

Знал Ахмаджан ака, кому по плечу будет жаркая битва, что есть еще у палвана сила и тесно и скучно ему без боев и борьбы. Давно понял Ахмаджан ака, что его народ — богатырь, что не спать он родился на этой земле. Дай только простор и место, где развернуться его плечам. Что пустыня? Самые могучие горы сожмутся пред ним, сказавши: бери, что ни есть — наши недра, прохладные реки, леса и травы. Бери и твори, как желаешь, но не губи: после нас что останется у тебя? Понял Ахмаджан ака, что не только силой могуч народ, но мудростью. Потому низко склоняет седеющую свою голову Ахмаджан ака, когда разговаривает с аксакалами.

Все это Сотвалди Зиятов рассказывал, покуда сидели мы с ним на центральной площади города, что построен в тех самых местах, где, как бывало, «ступишь ногой и смотришь, не отдавил хвост большой такой ящерице, варан называется». Город этот, зеленый и современный, по предложению Шарафа Рашидовича Рашидова носит название «Новбахор» — значит «Ранняя весна». Здесь вот уже как пять лет палван ака работает директором одноименного совхоза и, говорят, прекрасно работает.

РАССКАЗ ОДИЛОВА

— Журналисты окрестили наше хозяйство девятиэтажным. Попробую объяснить, что это значит. Но откровенно скажу: не вам первому из журналистов я рассказываю это.

Первый этаж — рыбоводное хозяйство «Балыкчи». В прудах — зеркальный карп, толстолобик, сазан. Обеспечиваем рыбой не только себя, но и соседей по Ферганской долине. Неподалеку от первого — второй этаж: возделываем рис. На третьем полупустыня — на галечнике зреет хлопок. Хлопководством занимаются два специализированных совхоза.

У подножия гор располагаются наши сады и виноградники, по соседству закладывается крупное цитрусовое хозяйство. К этому этажу примыкает винзавод.

Следующий этаж — крупный рогатый скот. Для того, чтобы уверенно развивать отрасли животноводства, в каждом совхозе создали специализированные бригады по заготовке кормов. Помимо комбикормового, работает завод поликормов: здесь, на единой технологической линии, корма всех видов перерабатываются, смешиваются, обогащаются солями, мочевиной, минеральными добавками, витаминами, затем в запаренном виде поступают на кормораздатчики. Своих кормов хватает. Важный резерв пополнения фуражного фонда — производство собственного зерна: кукурузы, ячменя, пшеницы. Животноводство переводим на индустриальную основу с завершенным циклом переработки. Так, рядом с молочным комплексом построим завод. Молоко на него будет поступать по трубам — во избежание потерь продукции и излишних транспортных расходов.

На шестом этаже прекрасно чувствуют себя овцы. Тут же думаем создать крупнейшую в республике кумысную фабрику, то есть начинаем развивать коневодство.

Следующий этаж — совхозы лекарственных трав и пчеловодческий. Выше, на отрогах Кураминского хребта, пасутся пуховые и ангорские козы. На собственной фабрике наши мастерицы создают тысячи ажурных платков и других пуховых изделий.

Последний, девятый, этаж пришелся по душе завезенным сюда якам. Начиналось стадо с нескольких животных, а сегодня их больше тысячи. Круглый год они пасутся на подножном корму, дают высокопитательное мясо, жирное молоко, длинную мягкую шерсть. Хотим завести у себя новую мясную породу скота, американскую, «санта-гертруда». Десяток голов уже осваивает наши пастбища.

В горах организовали несколько заказников, хотим сохранить для потомков редких животных.

Ну вот и все девять этажей. Выше снегозые вершины. Высота — четыре с половиной тысячи метров. На все этажи проложены добротные дороги, построены мосты, поднята по трубам вода.

Разумеется, малыми силами одного колхоза такую громадную работу по освоению всех этажей провести было бы немыслимо. А мы соединили в один отряд всю технику и людей. За минувшие три года площадь пашни увеличилась на тысячу гектаров. Резко поднялось количество продукции полей и ферм, вдвое возросли денежные доходы.

Мы даем государству тридцать четыре вида продукции. Однако ведущее, разумеется, сельскохозяйственное производство. Когда не использованные еще сегодня резервы будут вовлечены в дело, объединение сможет давать ежегодно продукции на 100 миллионов рублей.

Меня часто спрашивают: трудно ли управлять таким хозяйством? Отвечу честно: трудно. Но ведь объединением руководит не один человек, а совет директоров совхозов. При объединении создан партком.

Если бы меня спросили, на какие факторы обращается самое пристальное внимание в руководстве, я бы выделил два главных: дисциплина и условия жизни рабочих. Ведь трудимся-то мы не для каких-то абстрактных цифр, а ради себя же самих, ради детей своих и внуков.

* * *

...Позволю себе здесь небольшое отступление в область в некотором роде популярной политэкономии.

Было дело, лет пять или шесть назад довелось мне работать в редакции одного журнала. В интересах общего дела вызвался я по неопытности получить для нашего журнала — никакие заявки результатов не приносили — две портативные машинки, фотоаппарат и магнитофон для интервью. И что вы думаете? Потребовалось двадцать две подписи и знакомство с тремя складами. За все муки я был вознагражден: в административно-хозяйственном управлении познакомился с отличными, что называется, «в доску» парнями. Одно удовольствие было поговорить с ними — сами понимаете, так, запросто, на такую работу не попадешь — и посмотреть, как у людей и место рабочее организовано и интерьер кабинетный. Слов нет, все по последнему слову НОТ. Но... тот, что в сером костюме, подписывал мне наряд-заказ на объективы неделю, а тот, что в темном, очень занятой, прямо неуловимый, наконец, через двенадцать дней дал согласие на «Зенит», бывший в употреблении,— другого, говорит, аппарата нет. Молодой человек в голубой рубашке и галстуке в красно-синюю диагональ долго выяснял, на каком из трех складов можно найти единственные — «Ты понимаешь, старик, это же де-

Сотвалди Зиятов, директор совхоза «Новбахор» (справа) * Вязальщица пуховых платков Гулкора Файзыева * Заслуженный художник СССР керамист Максудали Турапов * Учитель начальных классов средней школы совхоза «Высокогорный» Ахмеджан Бакеров занимается с детьми чабана Гофира Уразалиева.

фицит!» — на весь аппарат издательства эти чертовы пишущие машинки, а четвертый, который без пиджака, по причине жаркого лета, тот занимался магнитофоном, и всучили мне в результате допотопный «Репортер», которым так никто никогда и не пользовался. На всю операцию ушел у меня месяц с небольшим. Зато в редакции зауважали, и как что, так: «Нет, нет,— это может только...» — и пальцем на меня указывают...

А всего-то дел, подумаешь, какой-то месяц. Машинки, правда, оприходовали, и кому достались они, мне так и неизвестно; аппарат на второй день работы начал рвать пленку. До сих пор, как ни поинтересуешься — мол, починили? — нет, говорят, так и лежит он в сейфе.

Зато какой великолепный образчик неподдельного негодования можно предвидеть со стороны молодцов всех возрастов и рангов, всех этих разновидностей нашего знакомого Степы — в костюмах «ин» или «инд» пошива, спешащих в час пик в метро или в своих авто, автобусах, троллейбусах и такси; с портфелями или фирменными «кейсами», с зонтами и спортивными сумками; в белых, цветных и в клеточку, но обязательно, чтобы 100-процентный «коттон» сорочках — сколько их, боже! — всех озабоченных работников этих бесконечных комитетов, офисов, НИИ, каких-то немыслимых трестов, контор и ведомств, какую бурю поднимут они, если сказать, что большинство из них — как бы это поделикатнее выразиться,— давайте вот так попробуем: часть из вас, уважаемые товарищи, относится, вы уж извините, к категории «непроизводительных потребителей национального дохода». Представляю, что будет. Хоть святых выноси!

Не нужно быть опытным экономистом, чтобы понять, что народное хозяйство обладает на данный момент определенной суммой средств производства и определенным количеством рабочих рук, которые могут быть направлены в ту или другую отрасль производства или сферу общественно полезной деятельности. Если эти руки упорно тянутся к кассе, кто будет производить этот 100-процентный хлопок, машины? И, наконец, пищу?

РАССКАЗ ОДИЛОВА

— ...Мы изыскали ресурсы для создания собственных строительных материалов: есть свой кирпичный завод, а в горах также на собственном сырье заложили цементный завод. Работают асфальтобетонный завод, камнерезный, известковый, керамический, деревообрабатывающий цехи. Научились строить дороги, мосты, дома из «рваного» камня, побочного «продукта» освоения гор.

За последние годы десять тысяч семей въехали в новые квартиры. Наши дети, внуки учатся в новых школах, для них открыты детские сады. На улицах поселков выросли магазины, медпункты, больницы, клубы и дворцы культуры. В Гурумсарае выстроены площадки, беговые дорожки, плавательный бассейн, конноспортивный клуб.

Ощутимо выросли заработки рабочих. Механизаторы, поливальщики, доярки, квалифицированные строители получают до трехсот рублей.

Созданы условия для того, чтобы молодежь здесь же, на месте получала профессии. Наш сельскохозяйственный техникум за три года подготовил больше тысячи специалистов. Учащиеся средних школ приобщаются к рабочим профессиям в межшкольных учебно-производственных комбинатах и вместе с аттестатами зрелости получают удостоверения рабочих.

Мы уже давно и много говорим о том, что земледелец должен чувствовать себя на своей земле хозяином. Теперь настала пора уже не просто говорить об этом, а учиться быть им. Это значит быть предприимчивым и смелым в выборе путей развития сельского хозяйства, в планировании своей жизни на следующий день, чтобы хозяйство само подбирало и воспитывало свои кадры, способные со знанием дела и преданностью земле осуществлять задуманное, самостоятельно распоряжаться своими фондами, принимать, быть может, нестандартные, но разумные решения.

* * *

...Две недели провел я в хозяйстве Одилова. Что же главное в стиле его работы? Почему такой успех, это баснословное уважение? Какие удивительные черты характера выделяют его среди других руководителей? И почему, когда думаю об этом, вижу величественную фигуру с кувшином воды, ступающую в мареве солнца.

— Кому несешь воду, Одыл ака? — хочу спросить старика.

— Внукам своим,— слышу ответ.

Герой Социалистического Труда В. В. Яковлев.

СЫН СВОИХ ДЕЛ

...После землетрясения шестьдесят шестого года в Ташкент ехали помогать со всей страны. Вологодская область послала лучших строителей и с ними — целый поезд: башенные краны, бульдозеры, экскаваторы.

Работали вологжане в районе Чиланзара. Учились укреплять фундаменты, а на каждом этаже ставили пояса из железобетона. Трудились в три смены. Тысячи метров благоустроенного жилья ввели они тогда.

Росли дома, и на фасадах строители выкладывали кирпичные надписи: «От русского народа», «От Украины»... А на одном из домов в Чиланзаре осталась на память эмблема Вологодской области — ковш, которым разливают сталь. Среди тех, кто восстанавливал узбекскую столицу, был и Владимир Васильевич Яковлев.

...Кто-то из великих сказал: каждый из нас — сын своих дел. Эти слова к Владимиру Васильевичу относятся впрямую. Профессия у него потомственная. Его дед и отец были строителями. Он тоже строитель. И дело свое считает одним из главных на земле.

Когда началась война, все мужчины из села Шушково, что на Вологодчине, ушли на фронт. Отец и старший брат Володи тоже. Отец с войны не вернулся, а брат прожил после войны всего год — умер в сорок шестом от ран.

Школу в начале войны пришлось бросить. Работал Володя в поле, потом молотобойцем в кузне. Учился военному делу во всевобуче. А в декабре сорок второго, когда не было еще восемнадцати, ушел на фронт.

Домой, в родную деревню, солдат — награды во всю грудь — вернулся в сорок восьмом. Направили его работать в райисполком, потом — в Кубенский сельский Совет, одно время даже председателем был.

Но очень хотелось Владимиру Васильевичу продолжить фамильное дело, к которому привыкал еще мальчишкой. И в 1955 году перешел он в «Вологдасельстрой» каменщиком. Жилые дома, детские сады, школы, тепличный комбинат, животноводческий комплекс в поселке Молочный, поселок Майский и еще многое-многое другое — вот сколько всего настроил Владимир Васильевич.

— Идешь по городу и видишь, вот этот дом — мой, и кинотеатр имени Ленинского комсомола, и автовокзал — тоже мои,— говорит Герой Социалистического Труда Яковлев.

Но давние фронтовые ранения напоминали о себе. И травма, полученная в Ташкенте,— тоже. Врачи запретили ему работать на стройке. Только вот жить без дела он не мог. И подумал: мастера-производственники, досконально знающие свою профессию, всегда нужны в профессионально-технических училищах. Он и пришел в училище № 29, которое готовит строителей: маляров, каменщиков, штукатуров, электросварщиков, операторов для деревообрабатывающих линий.

И сейчас, худощавый, быстрый в движениях, водит он нас по училищу: уютные классы, много учебных пособий, технических средств обучения. Училище стало ему родным домом, и он гордится здесь многим. Вот столярная мастерская. В шкафах фуганки, измерительные приборы, рубанки. Все — в идеальном порядке. На стене экран: показывают фильмы по специальности, о приемах и методах строительных работ, по технике безопасности.

— Когда я появился в училище, в группе каменщиков дело не клеилось, там сменилось девять мастеров,— рассказывает Яковлев.— А каменщики-то как нужны на стройках! И я сказал себе: стану десятым, но последним.

...На телевизионный конкурс каменщиков-монтажников взяли у меня Павлика Трусова, серьезного, способного парнишку. А еще был в группе Володя Шигунов — трудный подросток, но смышленый. Я решил везти на конкурс и его, подумав, что «убытку не будет». Хорошо работали ребята на высоте, справились и с теоретическими вопросами, заняли первое место: получили кубок и именные часы... Из них выросли настоящие рабочие.

Есть в училище спортивные секции: самбо и классической борьбы, футбола и баскетбола... А в полуподвальном помещении — лыжная база. Переоборудовали ее ребята из группы Владимира Васильевича.

— Здесь я стал учить своих ребятишек — а многие «ребятишки» ростом на голову выше мастера — живой кладке,— рассказывает Владимир Васильевич.— И тут ученики сами возводили новые перегородки.

Перенимают ребята у своего мастера не только ремесло, отношение к делу. Как они гордятся им, когда мастер вспоминает о военных годах, о том, как в сорок третьем участвовал в Смоленской наступательной операции — в комсомольской штурмовой группе танкового десанта, как был наводчиком орудия в артиллерийском дивизионе на Белорусском фронте, как брал Кенигсберг, Данциг, форсировал Одер.

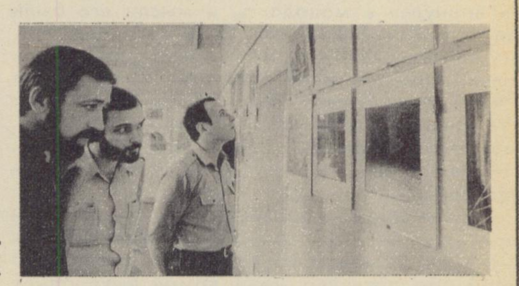
...Учеников у Яковлева не сосчитать. Некоторые работают на стройках Вологодчины, другие — в дальних краях. Хорошими рабочими будут и теперешние питомцы.

Они будут строить, как их учитель.

И. ШИБАЛКОВА

Вологда.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА СЕВЕР

На выставке работ Людмилы Гесслер.

В новом здании издательства «Молодая гвардия» молодой художник Людмила Гесслер показала свои работы.

Два года подряд в самые лютые месяцы, в черной полярной ночи она с завидным упорством пробивалась на Север. Здесь время на этюды скупо отпускает мороз. Поработаешь пять минут и в домик — греться.

На остров Визе Людмила добиралась месяц — нелетная погода. И на станции гостила столько же, по той же причине.

— Каждый день ко мне приходили зимовщики,— говорит она.— Позировали, рассказывали о себе. Особенно поразил меня метеоролог Володя Паршиков. Ему сейчас двадцать пять лет. Из них шесть он провел на этой станции и чувствует себя счастливым человеком. Такова притягательная сила Севера... Для зимовщиков я шила тюлевые занавески, дежурила на камбузе. И старалась все запомнить, больше полагаясь на память, чем на наброски. Так сложился репортаж о Севере и о людях Севера.

Я люблю живопись и некоторые работы, представленные на выставке, про себя считаю живописными, хотя привычного цвета в них нет. Это потому, что в полярную ночь пейзаж на острове черно-белый. Зато какое разнообразие причудливых линий и пятен! Если мне удалось передать в своих работах это обаяние суровых ночных пейзажей, доброту самоотверженных зимовщиков, я могу считать, что сделала полезное дело.

Г. РОЗОВ

Фото автора

ДОБРО РОЖДАЕТ ДОБРО

В журнале № 24 этого года было опубликовано письмо Л. Д. Алексеевой «Материнская обида». В нем рассказывалась история доброго, внимательного сына, который, по словам матери, в один день переменился, отвернулся от нее. Володя, как и двое других детей, рос без отца, мать одна поднимала их на ноги, помогла выучиться. Володя был любящим, трудолюбивым сыном, знал цену деньгам. Но вот настал день — Володя решил жениться. Свадьба вопреки скромным доходам семьи играется пышная: в ресторане, с оркестром, со скоморохами, множеством приглашенных. «Все как у людей». Но внезапно возникает конфликт: кому вручать подарки — конверты с деньгами — молодым или матери, потратившейся на свадьбу, и на чьей стороне должен быть сын — с матерью или женой?

Редакция предложила читателям обсудить письмо Л. Д. Алексеевой, определив тему обсуждения — нравственное воспитание молодежи, истоки алчного, бездушного отношения к старшим и так ли уж права мать в своей обиде на сына. Мы получили интереснейшую почту, обзор которой и предлагаем вниманию читателей.

Разные люди написали в редакцию — и по возрасту и по жизненному опыту. Многие молодые читатели узнали в Володе себя — если не полностью, то, вероятно, обнаружили некоторые свои черты, а родители распознали своих детей. Причина такой большой почты, пришедшей на письмо Л. Д. Алексеевой, в том, что ситуация, сложившаяся в ее семье, волнует многих.

«Все чаще и чаще обсуждается в нашей печати вопрос, поднятый в письме Алексеевой. Наверное, это не случайно, наверное, надо задуматься над этой проблемой,— пишет учительница Г. Костюк из Новограда-Волынского. — Володя не возразил матери, когда затевалась свадьба не по средствам, и это уже не просто боязнь отстать от других, это — осознанное потребительство, привычка не встречать отказа ни в чем».

Хочется начать обзор с писем, на конвертах которых нет ни адреса, ни фамилии. Содержание их в основном одинаково: к чему, мол, выносить семейные дела на страницы журнала, надоели нравоучения, наставления, сами разберемся в своей семье...

Разберутся ли? Хотелось бы верить. Но вчитаемся в аргументацию анонимных авторов, откликнувшихся на письмо.

«Никак не могу понять, чем же недовольна Алексеева, какой благодарности ждала от сына. У Володи уже своя семья, и он, естественно, на стороне жены. А то, что все цветы и подарки — молодым, так это ведь у молодых свадьба, а не у мамаши. Чем обижаться и злорадствовать, надо было бы сделать так, чтобы день этот торжественный был до конца праздником для молодоженов и запомнился им на всю жизнь. И нечего было позорить девушку на весь свет»,— пишет нам О. Л., девятнадцатилетняя студентка из Свердловска.

Странное дело: родители должны растить, воспитывать детей, устраивать им свадьбу, а на внимание, мол, и не рассчитывайте. Выполнили свой долг, и хватит.

Возможно, молодые забывают, что им самим придется выступать в роли родителей. А сейчас все же отстаивают свою позицию, защищают свой образ жизни. И как ни раздражают молодежь нотации, нравоучения, хочется призвать их подняться над своим раздражением, заглянуть глубже.

«Что говорить, молодежь сейчас живет легко: легко влюбляется, легко разводится. Происходит это оттого, что жизнь семейная не только праздник, а, я бы сказала, просто «трудная работа», требующая четкой организованности, дисциплины. У Володи эта жизнь началась весело: ресторан, оркестр, даже скоморохи. Во дает! Прямо купец первой гильдии. Я сначала думала, что у них клад зарыт, А оказалось, мать кругом должна. Просто неумная мать. А дети — повторение нас. Здесь яблоко от яблоньки недалеко упало, иначе бы сын сам встал на дыбы против такого лихачества,— считает москвичка К. Аксенова.— С первых шагов надо серьезнее относиться к жизни, тогда будет больше серебряных и золотых свадеб. А тут, видно, молодые проживут вместе недолго».

Это верно выбранный угол зрения в нашем разговоре. И что важно, такова, судя по остальной почте, позиция людей, чей жизненный опыт является серьезным аргументом.

«У нас растет дочь, может быть, поэтому нас с мужем особенно взволновало письмо Алексеевой. Живем мы в деревне, и на свадьбах у нас гуляют человек по двести, ну тут понятно, все друг друга знают,— написали нам супруги Козак из села Песчаный Брод Кировоградской области.— А вот в городе бывают гости не только между собой не знакомы, да и жениха с невестой едва знают. Думаю, устраивать такие грандиозные свадьбы не к чему, да еще и в долг. Откуда берутся алчные дети? Да, мы сами виноваты, все пихаем им, отказывая себе во всем. Вот дети и воспринимают все это как должное. А потом получается цепочка — свадьба в ресторане, кооператив, мебель, а через год развод».

Действительно, купеческие свадьбы стали чуть ли не нормой. Что это? Желание не отстать от других или болезнь показаться скупым, единственный способ сделать этот торжественный день памятным или чем богаче свадьба, тем сильнее чувства?

«Я женился на Ленинградском фронте,— рассказал в своем письме А. Москвичев из Дрогобыча.— Разостлали с Надюшкой шинели на полу землянки, расставили тушенку, кружки и накопленные за много дней стограммовки: ждем гостей. А их все нет и нет. Выхожу наружу: стоит один часовой, а подразделения нет. Все ушли в ночь и огонь, не потревожив нас в день рождения новой семьи. Сейчас свадьбы могут быть разные, даже богатые. Это — дело каждого. Мать Володи подняла на ноги всех и вся, коллег по работе, соседей, друзей по детдому, которые помогли ей организовать свадьбу. Можно было бы объявить и общенародный сбор средств: народ наш добрый, не отказал бы на доброе дело.

Свадьба получилась купеческой. А чем все это закончилось? Скандалом. Время пройдет, все в семье Алексеевой утрясется, устроится. Но как больно быть свидетелем войны родных по крови людей».

«Когда женились, было не до пышных свадеб»,— пишут люди старшего поколения. Но это не помешало им прожить долгую жизнь в крепкой, дружной семье, воспитать детей, внуков. Конечно, время сейчас другое, и если в семье достаток, можно и многолюдную свадьбу сыграть.

Так, например, происходило у штурмана управления «Запрыбпромразведка» из Калининграда: «Нашу свадьбу моей маме не пришлось устраивать, залезая в долги. После третьего курса у нас в мореходке была практика, и денег. заработанных за рейс, вполне хватало, но не хотелось начинать семейную жизнь с грандиозной пьянки, в которую порой превращаются сегодня свадьбы. Но мама сказала, что, если свадьбы не будет, все родственники обидятся. Естественно, мы уступили, пригласили всех родных, близких».

Таких писем много, и, что самое отрадное, молодые тоже так думают. «Непременное желание устраивать пышные свадьбы не что иное, как проявление махрового мещанства». «Жаль, что Алексеева только после третьей свадьбы поняла, что нельзя отдавать все детям». «Горько видеть одинокую немолодую женщину, выбивающуюся из сил для устройства свадьбы не по средствам». «Эти престижные свадьбы — просто дикость...» П. Панин из города Жлобина Гомельской области пишет: «Если Володя не будет иметь своей твердой жизненной позиции, счастья у него не будет. Я советовал бы ему для начала пойти к маме, стать на колени и попросить прощения».

«Честно говоря, мне от души жаль Л. Д. Алексееву. Ведь это просто подло — не подарить матери ни цветочка,— считает читательница С. Титова из Ленинграда.— В то же время мне кажется, что не мог добрый, ласковый сын в один вечер перемениться, стать жадным. Наверное, мать сама что-то упустила в его воспитании, а раньше этого не замечала. Почему он так легко стал на сторону жены и тещи? Может быть, потому, что был уверен, что мать найдет деньги и на ресторан и на скоморохов, потому что он считал: она ДОЛЖНА это сделать. Наверное, мать сама так приучила сына. Многие родители слишком уж опекают молодых, растят из них неженок, барчуков, а потом хватаются за голову. Но поздно. Надо быть более последовательными в воспитании детей».

Права, на наш взгляд, читательница из Зеленограда В. Тимошева:

«Мне 85 лет, и я с убедительностью своего жизненного опыта могу заверить: добро рождает добро. Это должно быть девизом во взаимоотношениях людей.

Мне кажется, что не такая уж обида приключилась тут, чтобы так неделикатно высказываться в адрес невестки. Некрасивый, на мой взгляд, какой-то купеческого стиля бытующий ныне обряд с деньгами в конверте вместо подарка новобрачным, раз уж он выявился прямо на свадьбе, надо было обратить в шутку. Дело матери, женщины,— смягчить грубость этого обычая. Ну уж а обидные мелочи с цветами, остатками пира, что скажешь? «На войне как на войне». Долой войну в семье, в обществе, в быту. Больше доброты друг к другу».

Итак, письмо Алексеевой прочитано, в обсуждении его приняло более ста человек. Не все, конечно, до конца решено, это естественно.

Редакция благодарит Е. В. Сысоеву из Бердичева, М. С. Бурачевскую из Калинковичей, В. П. Чуприкина из Шумерли, Смоленцеву из Вологды, А. Т. Харченко из Уральска, М. И. Ганотину из Алма-Аты, Е. М. Елишевича из Таллина, С. Маричева из Кирова и всех остальных читателей, приславших нам свои отклики на письмо Л. Д. Алексеевой.

Обзор писем подготовила В. МОРОЗОВА.

Военный летчик старший лейтенант Олег Волков.

21 АВГУСТА — ДЕНЬ ВОЗДУШНОГО ФЛОТА СССР

Фото Л. ЯКУТИНА

НА СТР

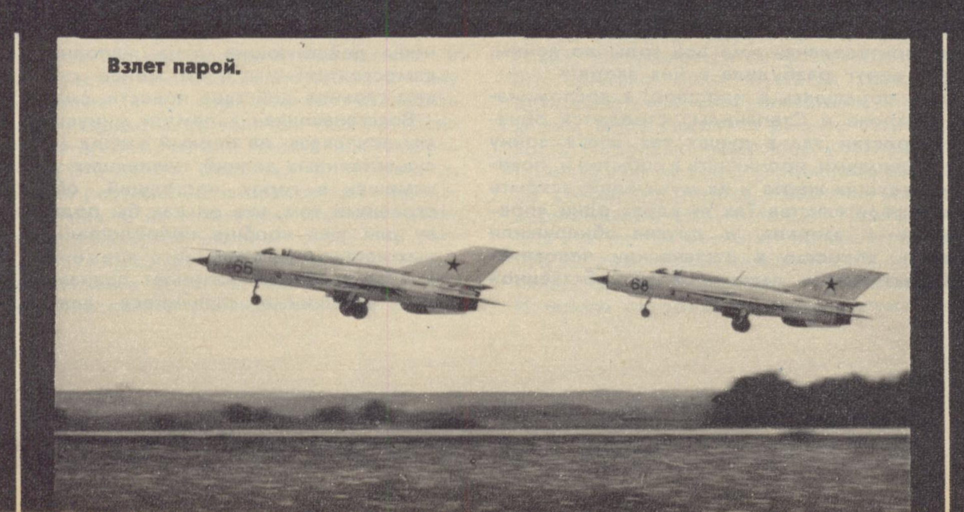
Эти фотографии сделаны в разных частях и на разных аэродромах. Но их объединяет главное — трудовые будни авиации. Выходных дней на аэродромах не бывает: одни летают, другие готовятся уйти в небо, третьи разбирают результаты полетов, четвертые осматривают и приводят в порядок самолеты... Ведь небо не прощает ни одной ошибки, оно экзаменует и летчиков и технику ежесекундно. И надо быть всегда начеку, готовым к встрече с противником. Ведь им, людям большого полета, доверено охранять мирное небо Родины.

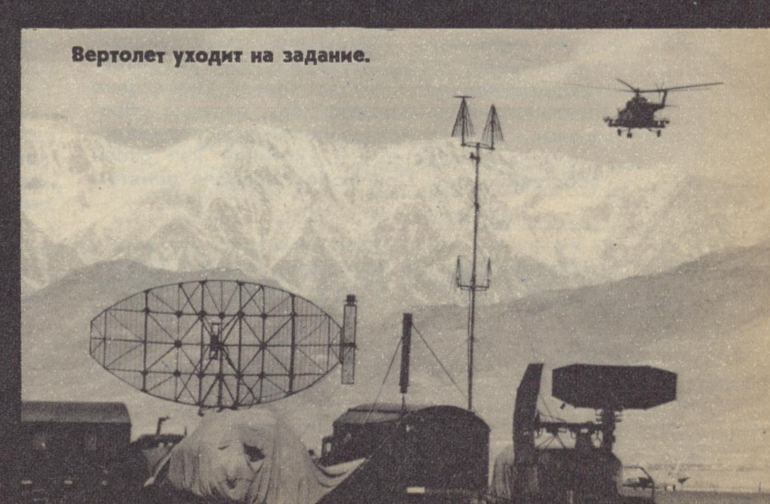
Перед началом очередного дня боевой учебы.

Дозаправка в воздухе.

АЖЕ МИРНОГО НЕБА

Взлет парой.

Вертолет уходит на задание.

Владимир ЕНИШЕРЛОВ

ЛЮДИ

В майском журнале «Дружба народов» за 1982 год было опубликовано интервью Василя Быкова. Писатель сказал тогда: «На фоне огромной литературы о войне создать что-либо значительное о ней, тем более поражающее новизной, становится все труднее даже для художников, обладающих недюжинным литературным талантом и личным военным опытом».

Прошло менее года, и появилась повесть В. Быкова «Знак беды», произведение значительное, потрясающее своей страшной правдой, несущее новое слово о простых людях, ввергнутых в бездну великой беды — войны.

Начинается повесть действительно неожиданным для Василя Быкова эпическим прологом, трагически высокой прозой, предвещающей иной аспект раскрытия темы войны, чем это было у писателя ранее. «Время и люди немного оставили от некогда раскинувшейся здесь просторной хуторской усадьбы. Лишь кое-где останки ее выглядывали на поверхность угловым камнем фундамента, осевшим бугром кирпича да двумя каменными ступеньками возле бывшего входа в сени... С дороги от большака мало что указывало на бывшую усадьбу, разве одна из двух лип, некогда красовавшихся возле хуторских ворот. Другой не было и в помине, да и оставшаяся являла собой жалкое зрелище: опаленная и однобокая, с толстым уродливым стволом, прогнившая корявою щелью-дуплом, она непонятно как удерживала несколько мощных сучьев. Прилетавшие из леса птицы почему-то никогда не садились на ее ветвях, предпочитая рослый ольшаник поблизости. Вороны, возможно, помнили что-то, а может, своим древним инстинктом чуяли в изуродованном дереве дух несчастья, знак давней беды. Этот роковой знак лежал здесь на всем... И только тоненькая молодая рябинка, недавно выбросившая на свет считанные листочки посередине заросшего травой подворья, в дерзкой своей беззащитности казалась гостьей из иного мира, воплощением надежды и другой, неведомой жизни.

Наверно, все остальное принадлежало здесь прошлому, покоренному тленом и небытием.

Все, кроме неподвластной времени всеохватной человеческой памяти, наделенной извечной способностью превращать прошлое в нынешнее, связывать настоящее с будущим...» Здесь и разворачиваются события повести, доказывающие, что ничто в жизни не происходит случайно, а все свершающееся имеет глубокую причинно-следственную связь.

Какие только ситуации, рожденные войной, не анализировал прежде Быков! И бой в «чистом виде», где наши солдаты сражаются с врагом лицом к лицу; и судьбу отряда, попавшего в окружение и пытающегося из него вырваться; и партизанскую борьбу; и оккупацию; и фашистские застенки...

Не в жестоком бою гибнут герои «Знака беды». Они не солдаты, не партизаны. Они мирные, работящие люди, белорусские крестьяне, живущие поодаль от деревни, на хуторе, и немцы тут появляются как бы случайно, на какие-то несколько дней: им предстоит починить разбомбленный мост, и хутор героев повести, пожилых крестьян Степаниды и Петрока, был удобен для временного постоя. Степанида встречает пришельцев «со страхом и любопытством», Петрок — с затаенной надеждой, что, может быть, все еще обойдется как-нибудь. Немцы «по праву завоевателей» ведут себя на хуторе по-хамски, совершенно игнорируя истинных хозяев. Они словно не замечают немолодую пару, изредка обращаясь к ним с приказаниями, распоряжаясь всем их имуществом и скотиной как своей собственностью. При любом неверно понятом приказании, нерасторопности или оплошности Петрок и Степанида тут же наказываются завоевателями. Их жизнь все время под угрозой — пустяка довольно, чтобы вызвать гнев захватчиков, а уж достоинство унижается постоянно. Поведение немцев определяет и отношение к ним. «Иногда она слышала о немцах: культурная нация. Может, в чем-либо и культурная, но разве культурный человек может позволить себе так открыто разбойничать, как это делают немцы? Она не читала их книжек, не разбиралась в их высокой политике. Она привыкла судить о большом по малому, о мире — по своей деревне. И она не ошибалась. Она знала, что хорошие люди не поступают подло ни по своей воле, ни по принуждению. Подлость — оружие подлецов. Уже одно то, что немцы пришли на ее землю с оружием, значило, что правда не на их стороне. У кого правда, тому не надобно оружия. Опять же достаточно посмотреть, кто с ними заодно, чтобы понять, кто они сами. До последней своей минуты она не покорится им, потому что она человек, а они звери». И потому, что «немцы не принимали их за людей, смотрели и обходились, как со скотиной, наверно, так же следовало относиться и к немцам». В этом нежелании смириться с насилием, несправедливостью, наглостью, обусловленными силой и властью, — сущность характера Степаниды, и он определяет многое в сюжете. Ведь если бы не ее строптивый нрав, заставивший выдоить корову в траву, чтобы молоко не досталось немцам, не пристрелили бы осерчавшие «квартиранты» кормилицу-корову, не ударили бы Степаниду. Опять-таки, если бы в своей жажде мести Степанида не спрятала вражескую винтовку, не насторожились бы оккупанты и не убили, может статься, совсем безвинного пастушонка, глухонемого подростка Янку. И все же немцы появляются здесь, повторяем, на короткий срок. Они заняты своими заботами, им, в общем, и дела нет до героев повести — Петрока и Степаниды. Кажется, уйдут они с хуторка, и опять потечет своя жизнь в стороне от бурных событий — пока и партизан не слышно в этих глухих краях.

Но Петрок и Степанида гибнут, и гибнут не от руки захватчиков, а принимают мученическую смерть от своих же, деревенских, ставших полицаями. «Война, конечно, никому не в радость, считай, для каждого горе, но если это горе из-за чужестранца, немца, так чему тут удивляться, это как мор, чума или язва, тут на кого обижаться? — размышляет Петрок.— Ну, а если эта чума из-за своих, деревенских, местных людей, известных тебе до третьего колена, которые вдруг перестали быть теми, кем были всю жизнь, а стали зверьем, подвластным только этим оккупантам, немцам, тогда как понимать их? Или они вдруг превратились в зверье и вытворяют такое по принуждению, подавив в себе все человеческое?! Или, может, они и не были людьми, только притворялись ими все годы до войны, которая вдруг разбудила в них зверя?»

Автор, обращаясь в прошлое, к воспоминаниям Петрока и Степаниды, стремится обнаружить ростки зла в душах тех, кто в войну стали полицаями, проникнуть в события и поведение будущих жертв и их мучителей, вскрыть истоки предательства. Так ли вдруг одни «превратились в зверье», а другие обнаружили твердость, упорство в отстаивании человеческого достоинства даже и ценой собственной жизни?

Однажды В. Быков, говоря о раскрытии военной темы в литературе непосредственно послевоенного времени, заметил, что у писателей тогда не было еще «ни времени, ни возможностей для осмысления всех проявлений войны». Почти четыре десятилетия отделяют нас от Победы, но поток литературы о войне не иссякает, и Быков — один из самых талантливых и верных писателей военной темы — как раз и показывает каждым своим произведением все новые «проявления» войны. Глубокая правда понята писателем: война — это не только фронт, не только партизанская борьба, не только героическое сопротивление подпольщиков на оккупированной территории и трудовые подвиги тыла. Война порождает особую атмосферу. И, как во время эпидемий, слабые, неспособные к сопротивлению организмы гибнут от одного зараженного воздуха, а сильные мобилизуют все резервы, все защитные силы и оказываются устойчивыми против болезни, так и во время войны происходит своеобразное испытание человека на прочность. Только не биологические законы тут действуют, а законы социальные, законы гуманизма, человечности. И разрушается в этой атмосфере не биологический организм, но социальное существо, готовое по своим задаткам к разложению, неспособное выработать иммунитет против бесчеловечности. А другие, напротив: именно в суровое, опасное время их души оказываются сильными, обнаруживают порой неожиданную твердость в противостоянии разрушающему воздействию бацилл бесчеловечности — этих неотъемлемых заразных микробов войны. Часто такие люди обречены на мучения и гибель — физическую, но не нравственную, в то время как первые, бывает, и выживают за счет физической гибели других, а нравственно гибнут окончательно.

Вот и интересует писателя, что же собой представляли до войны люди обеих этих категорий — выдержавшие и сломавшиеся.

Размышляя о творчестве В. Быкова в книге, ему посвященной, И. Дедков, наиболее проницательный исследователь творчества писателя, неоднократно замечает, как часто Быков прослеживает судьбы героев, начиная с благополучного мирного времени: «Прошлое живет в них, у каждого — свое, укрепляя одних и ослабляя, разрушая других». Но, кажется, «Знак беды» — это первая крупная повесть Быкова, где анализ прошлого дан так подробно, так скрупулезно. В предыдущих произведениях писателя, по замечанию Дедкова, «...мирное время со своими драмами и конфликтами нигде... не имеет самостоятельного значения; оно не исследуется и приобретает смысл лишь в контексте военных событий, иногда — в сравнении с ними». В новой повести прошлое — совершенно самостоятельный срез жизни; анализ его дается, правда, для уяснения событий и поступков людей в настоящем, то есть во время войны; но оно само по себе, в силу значительности событий, в которые вовлечены действующие лица, наполнено именно самостоятельным и не менее существенным, чем главное действие повести, смыслом.

Восстанавливая в памяти минувшее, пытаясь уяснить связь, на первый взгляд вроде бы несущественных деяний, повлекших за собой, как камешек в горах, настоящий обвал, более страшный тем, что он как бы подготовил почву для уже вообще непредставимых, гибельных катаклизмов военного времени, Степанида в «Знаке беды» начинает сознавать, что порой ничтожные, кажущиеся даже вовсе не

Василь Быков. Знак беды. Повесть. С белорусского. Перевод автора. «Дружба народов», №№ 3, 4, 1983.

значительными во время свершения поступки могут нести в себе зародыши будущего огромного зла: «Так неужели же причиной всему одна поднятая рука? Просто страшно подумать, как много иногда зависит в жизни, судьбах от одного только слова, руки, даже чьего-то невинного взгляда... Каким надо быть рассудительным, не злым, справедливым! Потому что твое зло против ближнего может обрушиться — и еще с большей силой! — назад, на тебя самого, тогда, ой, как сделается больно». Эта убежденность Степаниды (надо думать, и автора) в том, что человек за все в конце концов заплатит, эта убежденность подкрепляется подробным художественным анализом характеров и событий, происходящих в повести.

Мастер психологической прозы, Быков в каждом своем произведении внимательно присматривается к человеку, которому предстоит либо совершить подвиг, либо опуститься до преступления, предательства. И всякий раз писатель стремится проникнуть в эти несхожие характеры, исподволь, но неуклонно показывая, как шел к кульминационному моменту каждый, какие его черты уже загодя позволяют предположить готовность совершить при критических обстоятельствах шаг в ту или иную сторону. Иногда — это редко бывает у Быкова (как, впрочем, и в жизни) — герой словно запрограммирован на «добро» или на «зло», но чаще, опять-таки в соответствии с правдой жизни и сложностью, противоречивостью человеческой природы, читатель до какой-то определенной точки не знает, как поведет себя зачастую ничем не примечательный в обыденной жизни человек. Писатель чуждается примитивной схемы, когда сразу ясно, кто истинный герой, а кто злодей. Например, когда становятся полицаями — вопреки прошлому, нашли они общий язык и объединились против Степаниды. Вопреки ли? Разматывая клубок минувшего, Быков показывает, что не идея, не убеждения двигали когда-то, казалось, принципиальным селькором Колонденком. Степанида, как и многие односельчане, не любила его, не совсем ясно понимая причину антипатии: «...во всем поступает вроде честно, по велению времени, а ведь ничего, кроме озлобления, к себе он не вызывает в деревне». Десятилетним мальчишкой он попался на воровстве, был избит крепко, так что неделю не мог подняться, а после этого стал сторониться людей. А затем, когда «в развороченном бурей быте» полунищей деревни Выселки еще не утихли отзвуки классовой борьбы, Колонденок с «недетской сообразительностью» стал посылать обличающие то того, то иного крестьянина корреспонденции в местную газету — «вроде честно, по велению времени»... Однако не идея, не классовая убежденность двигали подростком, а затаенная ненависть к односельчанам, наказавшим когда-то малолетнего воришку.

Вспомним, как в повести безвременно ушедшего из жизни прекрасного писателя Константина Воробьева «Почем в Ракитном радости» несмышленый подросток Кузьма подобным же образом лихо «разоблачает» своих односельчан, плохо ориентируясь в сути дела, но зато упиваясь ранней «славой». Однако Кузьма именно «не ведал, что творит», и потом, став взрослым, поняв, что творил он зло, думая, что приносит пользу, сам сполна испытав последствия чужой несправедливости, мучается своей «невинной виной» и не может успокоиться, пока не получает прощения от оккупантам заботой о детях. Своей волей он бы не пошел, но: «Все-таки шестеро... Я о них забочусь». Глубочайшее презрение вызывает эта «исповедь» Недосеки у Степаниды: «Такие от природы слепы ко всякому проблеску человечности, заботятся лишь о себе, иногда оправдываясь детьми. Боже, что еще будет из тех детей, что они унаследуют от таких вот отцов?»

Итак, трое полицаев губят Степаниду и Петрока. Характеры этой крестьянской пары прекрасно выписаны Быковым. Суровая, непримиримая к любой несправедливости, остро ее, эту несправедливость, чувствующая, честная Степанида активна в борьбе против зла. Инстинкт самосохранения у нее отступает, если дело идет о справедливости, о чувстве собственного достоинства. Сохранить самоуважение для нее важнее, чем сохранить жизнь, она не будет хитрить и ловчить себе на пользу и нимало не заботится скрыть свое презрение и ненависть по отношению к немцам или полицаям. Петрок, как поначалу кажется, совершенно противоположен своей жене. Он и злит ее своей бесхарактерностью. Он надеется потихонечку прожить, пережить это гиблое военное время: «Если он фашистов не зацепит, неужели же они без причины будут к нему вязаться? Разве он какой-нибудь начальник, или партийный, или хотя бы еврей из местечка?» Тем более чего ж опасаться полицаев: «никакой вины за собой он не чувствовал». Петрок пытается сначала быть почтительным, услужливым, нестроптивым, думая, что отстанут от него, если их не разозлить. Однако, когда претензии полицаев возрастают, когда он понимает, что, сколько бы он ни пытался отделаться от них по-хорошему, откупиться самогоном, они не отвяжутся и неотступно будут тре-

И НЕЛЮДИ

литературные заметки

только отправляются в путь Рыбак и Сотников (повесть «Сотников»), разве можно предугадать, какой ценой купит себе жизнь Рыбак?

В «Знаке беды» Быков создает целую галерею портретов, но основное внимание читателя направлено на Петрока, Степаниду и трех их односельчан — Змитера Гужа, Антона Недосеку и Потапа Колонденка. Потому что эти трое загубят двух первых. Каждый раз недоумение и какую-то глубинную непостижимость зла, которое свои причиняют своим, мучительно переживают обреченные Петрок и Степанида. А памятью они все время возвращаются в мирную, но непростую жизнь.

Тогда, за десять лет до начала войны, озлобленный Змитер Гуж возненавидел всех, кто принимал хоть какое-то участие в устроении новой жизни на селе. «Я теперь чего сюда прибился? — признается он, появившийся в родных краях с приходом фашистов.— Думаешь, немцам служить? Чихал я на немцев. Мне надо рассчитаться с некоторыми». А Степанида, как и все в деревне, помнила о Гуже, что «жалости он не знал отроду». И теперь жестокость его обусловлена не столько обидой за отца, за свою судьбу, сколько задатками Змитера, а уж расцвели махровым цветом эти с детства проявлявшиеся в нем низкие и злобные чувства, как только появился к тому повод. Даже и не стремление отомстить движет Змитером. Ведь если бы был он убежденным мстителем, то его злость обрушилась бы не на Степаниду, беднячку и труженицу, которая как раз выступала против преследования отца Гужа, а на Недосеку, способствовавшего подсказками «о наемной силе» его раскулачиванию, и, конечно, на Колонденка, навлекшего немало беды на односельчан. Но именно Недосека и Колонденок, как и Гуж, пострадавшего когда-то от его бойких писаний односельчанина. Иное дело Потап Колонденок. Осознанная ли это была месть, врожденное ли человеконенавистничество, принимающее гипертрофированные размеры, но ни о каком заблуждении в данном случае и речи нет. Колонденок, такой, каким его показывает Быков, всегда принимает сторону зла. К сожалению, писатель не до конца раскрывает внутренний мир Колонденка — нам очевидны лишь его внешние проявления, его поступки. Душа же его — больная или преступная — темна. Если Змитер Гуж ясен: злой по природе, склонный к насилию, превыше всего ценящий свою власть над другими, способный упиваться — водкой ли, властью ли,— словом, это страшный человек с низкими, но сильными страстями, его видишь и понимаешь, что им движет, то Колонденок неясен читателям, как непонятен и смутно антипатичен односельчанам. «Отец же человеком был»,— горько недоумевает старик, которого чуть не застрелил ни за что ни про что Колонденок.

Но если то, что Гуж и Колонденок стали полицаями, не удивляет односельчан, то третий, Недосека, поразил всех. Ничего за ним дурного как будто не водилось. И только сейчас, в войну, раскрывается он Степаниде и Петроку. Его принцип: «Власти всегда угождать надо. Хоть Советской, хоть немецкой». Впрочем, пожалуй, тихий Петрок и раньше ощущал двуликость Недосеки: «Высоким уполномоченным», приехавшим на село, «нравилось, как выступал на собраниях Антось Недосека, они думали, верно: какой сознательный! Но Петрок знал, что это он так сознательно выступает потому, что на днях подал заявление об оказании помощи как многодетному и малоземельному». И теперь он объясняет свое согласие служить бовать все большего, измываться над ним и его женой, когда приходит предел его терпению, он решает больше не ублажать полицаев: «Если нет иного спасения, то и самогон — не спасение. Пусть уж лучше прикончат просто так, без причины, хотя бы за то, что он человек».

В сущности, оба они, и Петрок и Степанида, гибнут, потому что они люди. А губят их объединившиеся вопреки прошлому, разному у всех троих: нелюди. Они и сошлись-то потому, что Гуж верно учуял в Колонденке и Недосеке отсутствие того, что вызывало в нем ненависть — внутренних человеческих принципов, совестливости, отсутствие убежденности в том, за что эти двое в свое время, еще до войны, так активно просто выступали, считаясь на селе передовыми. В мелких своих интересах следуя букве, они внутренне абсолютно были чужды духу идей, по которым велись преобразования.

Не все люди, к сожалению, достойны звания человека, не все так честны, открыты, непосредственны, как Петрок и Степанида. Есть и гужи, и колонденки, и недосеки, готовые при первой же возможности сеять зло. Так вот, чтобы они и подобные им не могли нести беду, прежде всего не должна повториться война, а кроме того, общество должно стоять на страже, чтобы не допустить изворотливых колонденков пользоваться обстоятельствами во зло другим; пресекать преступные наклонности гужей; внимательнее присматриваться и прислушиваться к бесхарактерным недосекам, что, подобно флюгерам, поворачиваются в ту сторону, куда дует ветер. И кто же лучше сумеет разглядеть опасные для общества задатки, чем свои в своих.

Н. ТОЛЧЕНОВА, заслуженный деятель искусств РСФСР

Синяя птица на всю жизнь

Наталия Ильинична Сац — человек, который не хочет знать — и не знает! — возраста. Она его не знала, начиная создавать свой театр, свое искусство, — девочкой двадцатых годов. Она не знает возраста и сегодня, оставаясь яростно и пылко увлеченной творчеством — красотой, благородством и поэзией, которые обращает со сцены к детству и юношеству.

Нашему веку, особенно веку новому, приближающемуся, нужны люди, умеющие бороться за идеи коммунизма, отстаивать их в судьбах героев, выходящих на сцену. И тут бесспорен художественный эффект, бесспорны удивительные результаты, достигнутые Наталией Сац за время ее необыкновенного, поистине подвижнического служения этому особому, избранному раз и навсегда с отроческих лет, искусству для детей. В любых, иногда сложнейших условиях она в конечном счете подчиняла себе не только эти жестокие порою условия, но и увлекала окружающих: они тоже начинали воспринимать дело жизни Сац как свое собственное, остро нужное людям дело... А сегодня уже все мы видим отчетливо и благодарно, как выполняет свои задачи новый, существующий в Москве на Ленинских горах, единственный в мире музыкальный детский театр, возглавляемый Сац. Видим, что театр выполняет свою миссию прежде всего как театр, устремленный в Будущее. Это ведь оно — живое Будущее — смотрит на сцену из огромного зала сотнями глаз, слушает музыку и пение осмысленно, совершая большую и глубокую работу души... И сцена и зал — это тоже Сац; это ее собственное, не имеющее границ поле деятельности, где ей видны и все завоевания ее и все потери, если они вдруг случаются; а они могут случиться, это понятно: всякое большое дело есть живое дело живых людей, подверженных многим живым обстоятельствам человеческого существования. Причем дела и заботы каждого, кто входит в этот удивительный коллектив, тоже сразу становятся делами и заботами Сац.

Потому-то и хочется поклониться Наталии Ильиничне Сац, что, встречая свое восьмидесятилетие, она не стареет душой. Всю жизнь она была и остается наставником, воспитателем не только детей и юношества, но еще и всех своих соратников, обращаясь к ним как к активным носителям советской творческой культуры. Кстати сказать, это замечательное свойство — далеко не каждому режиссеру-руководителю дающееся — является, несомненно, главной чертой натуры, облика Н. И. Сац. Ведь театр — учитель и воспитатель, театр-друг все равно остается театром. Создает зрелище. Тем более огромна и удивительна эта повседневная, возвышающая душу коллектива, поднимающая до высоты нравственного подвига всю в целом работу коллектива деятельность Н. И. Сац, осуществляемая ею столь непринужденно. Она живет театром, не «возвышаясь» и не отдаляясь от людей театра. Будучи художником, она и руководит художниками, с той живой и естественной — а поэтому результативной — страстью патриотизма, гражданственности, какие выражают ее собственную духовную суть.

Высокое это наставничество, думается, свойственно ей органически. Недаром же совсем еще юную девушку, в общем-то еще девочку, уже звали «тетей Наташей» ребята, приходившие в ее, первый в мире, детский театр. И это отнюдь не было ни смешно, ни нелепо. Не было ни случайностью, ни ошибкой, но являлось впрямую обозначением характера Сац, выразившегося очень рано, как прирожденное свойство натуры, умеющей целиком отдавать себя делу. Делу **созидания других людей** — интереса к жизни, понимания себя при помощи искусства; понимания прекрасного назначения их самих: самого человеческого пребывания нашего на земле...

Пожалуй, в этом именно ведь и кроется главная суть наставничества всюду. А на театре — особенно. На детском же театре — как нигде более!.. Хотя надо заметить мимоходом, что далеко не каждый театр — увы, даже и в наше время — имеет наставника подлинного в лице главного режиссера. Многие из них вообще не считают воспитание души актера (а следовательно, и зрителя) одним из самых могучих, действенных способов сделать свой коллектив, свою сцену, свой театр властителем дум, как делала и делает Н. И. Сац, когда, кажется, всего лишь задумывает и ставит очередной спектакль.

Эта «простая» деятельность Сац основана не только на доскональнейшем знании осваиваемого театром «материала» — партитуры, текста пьесы и ее идейных запасов, скрытых и открытых,— но еще и на абсолютном знании творческих возможностей, творческого роста актеров. Поэтому-то они и достигают такой безошибочной внутренней правды в создаваемых образах.

Точно, верно направляя фантазию артистов, Сац дает возможность каждому углубиться в роль со всей свободой и полнотой свершения, искусства подлинного. Ее редкостно чуткое ощущение возможностей танца, музыки, поющего слова, а значит, и сложных совокупных задач режиссуры, будучи не азбучной, но высшей школой сценического мастерства, опирается на главную цель: постоянное стремление театра и актера к внутренней гармонии. Мышление направлено на нестандартное проживание актера даже в «маленькой» роли. Таких на ее сцене, впрочем, и не бывает... Отсюда идет редкостная связь театра Сац со зрителем. Связь опять-таки наставническая. Воспитывающая.

Привлекая детей (и взрослых), одинаково покоряя их и удивляя масштабностью, силой образов, театр Сац добивается редкостной идейной содержательности, серьезности каждого спектакля. Это и есть серьезность прекрасного, какую утверждал Чехов. И еще — это радость, неординарность сценического свершения, за которую ратовал Вахтангов, учитель и друг детства Наташи Сац...

Серьезность и радостность зрелища, создаваемого на сцене музыкального детского театра, сочетаясь, рождают не «смесь», но особое искусство, насыщенное и впечатляющее. Оно уже как бы само по себе становится гражданским, наставническим служением театра своему зрителю. И опять же само по себе столь же многого от зрителя ожидает, требует в ответ.

Театр нынешней Сац — театр ответственнейший... Очень важно, что Наталия Ильинична своей позицией в искусстве, своими взаимоотношениями со зрителем решительно зачеркивает проблему «позднего взросления» нынешних детей и молодежи. Как зачеркивает и проблему «отчуждения» старшего и младшего поколений. А ведь эту мысль иной раз прямо-таки навязывают публике не только взрослые театры, но даже ТЮЗы, придерживающиеся современной «моды»... Театр Сац гневно разоблачает зло во всех его ипостасях, утверждая доброту деятельную, радость общечеловеческого созидания. Благодаря искренности и чистоте чувства и оказывается таким высоким нравственный посыл сценических созданий.

Острое сознание ответственности Сац поддерживает в коллективе неусыпно, нацеливая его не на некое «удовольствие» для ребенка, не на душевный комфорт зрителя, пришедшего в театр (хотя все это здесь тоже есть), но в первую голову на пробуждение **взрослости** в детском сознании. На возникновение в детской душе чувства чести, высокого достоинства Человека, сегодняшнего и завтрашнего. Театр Сац дарит каждому из своих зрителей умение чувствовать и сострадать. Быть неравнодушным. Любить и не любить, целиком отдаваясь переживанию.

Важно заметить, что на сцене все чаще появляются крупные разнохарактерные музыкальные пьесы, требующие именно такой глубинной, уверенной режиссуры, мастерского дирижирования оркестром, высоких балетных достоинств и, конечно, таких разнообразных актерских индивидуальностей, чтобы даже в хоровом ансамбле возникали образы...

И с каким-то молодым задором, с присущими ей изяществом и легкостью Сац непринужденно и умно соединяет все это в некое удивительное творческое целое. Вот таков ее театр. Каждый спектакль здесь впечатляет силой идеи, всегда основательно заложенной в судьбах, раскрывающихся на сцене... Вспомним хотя бы «Белоснежку» — один из давних и любимых детворою спектаклей. Ведь еще задолго до того, как выявится истинное лицо, подлинные интересы персонажей, зрительный зал удивительно точно улавливает нравственный их посыл. И когда театру со сцены вдруг потребуется спросить у ребят: «хороша» ли Королева — яростная противница Белоснежки, ее хитрая и коварная угнетательница, — все дети в зале, все как один, вдруг отвечают дружным одноголосым: «Нет!»

Это — Сац!.. Надо самим услышать этот решительный ребячий возглас, это замечательное, резкое и единодушное: «Нет!», чтобы вполне оценить тончайшую работу театра, восхититься этой работой. Ведь Королева — я видела в этой роли великолепную актрису Т. Макарову — пока еще ничем вроде бы не успела обнаружить ни свою кровожадность, ни лютую зависть и ревность к маленькой Белоснежке (Т. Глухова)... На первый взгляд Королева даже хороша, вернее, ей очень хочется казаться хорошей!.. Однако дети безошибочно чувствуют токи внутренней неправды, токи зла, исходящие от этой красивой, величественной дамы. Пусть она еще ничем себя не выдала, но дети догадываются о тончайше выраженном эгоизме, себялюбии Королевы. Догадываются, что она «плохая»... Мысль, донесенная театром до

Наталия Ильинична Сац рассказывает о свершениях и замыслах Детского музыкального театра * «Синяя птица».

Фото И. ТУНКЕЛЯ

зрителя тонко, не «в лоб», впечатляет остро и глубоко.

Причем важно, что роли не «застывают», но постоянно растут. Обогащаются новыми находками, приметами, вариациями образов. И эта мобильность творческого движения, внутреннее развитие, нравственный рост каждого актера в коллективе происходят опять-таки в результате постоянного внимания и поддержки со стороны художественного руководителя. Особенно заметно это движение театра вперед дало знать о себе в таких масштабных оперных спектаклях, как «Джунгли», «Мадам Баттерфлай», «Мастер Рокле» и, наконец, в чудесно осуществленном феерическом балете «Синяя птица»...

Быть может, тут, в «Синей птице», есть еще и некая потаенная символика, своего рода предначертание судьбы самой Н. И. Сац, начиная от рождения вплоть до нынешних дней. В этом балетном спектакле по-своему выразились и все творческие устремления Сац и вся ее жизнь, с юных лет облагороженная прекрасной музыкой отца и пением матери, могучим влиянием друзей семьи: Станиславского, Вахтангова, Рахманинова...

Сегодняшняя Сац сумела сделать театр, руководимый ею, коллективом мастеров, которому по плечу классика вчерашняя и нынешняя; которому доступны все сокровища музыки — великолепной, обращенной к сердцу человека любого возраста... И, думается, мощью этих спектаклей Сац проверила прежде всего самое себя. Сурово проверила, не давая себе никакого снисхождения. И эту жесткую, упрямую проверку выдержала с честью, покорив не только родную страну, но и многие другие страны яркостью осуществления, открытостью души, умным, добрым словом, вдохновенной музыкой.

...Заканчивая этот очерк о жизни и работе Наталии Ильиничны Сац, об ее самоотверженном служении своему прекрасному, на всю жизнь избранному делу, хочу подкрепить многие собственные впечатления рассказом о встрече Наталии Сац с болгарской журналисткой К. Воденичаровой... Работающая редактором на радио, опытный и зрелый работник, Воденичарова сознается, что, встретившись с Н. И. Сац, вдруг совсем растерялась. Даже забыла свои намеченные заранее вопросы! Звукооператор тоже забывал включать запись. Они двое просто смотрели на Сац и слушали ее, не отрываясь, зачарованные женщиной, которая, словно и не замечая никого рядом с собой, говорила, играла на фортепиано, исполняла монологи из спектаклей, волновалась, плакала и смеялась...

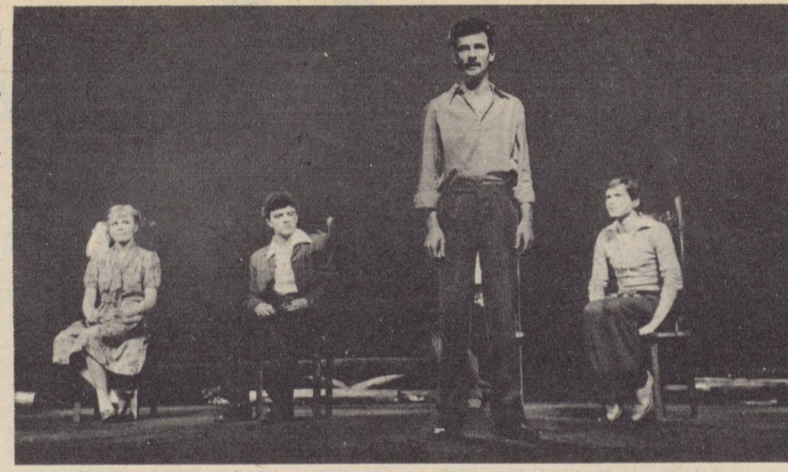
— Она воссоздавала на наших глазах картину всей своей жизни, всего своего творчества, — замечает Воденичарова. — Поэтому вместо простого интервью получился некий радиоспектакль. И он был исполнен так выразительно и так прочувствованно, что не нуждался ни в каком переводе! Мы засиделись в студии до зари, совсем не заметив, как прошло время. Мы встретились с огромным талантом! С исключительной любовью к детям и к искусству, которые тебя заражают, делают добрее и мудрее...

Очень точно, очень верно сказано... Именно так чувствуешь себя в театре Сац — рядом с Наталией Ильиничной, — если, конечно, повезет и она разговорится. Тогда становится словно «доброй колдуньей», волшебной феей Бирилюной из «Синей птицы», одаряя собеседника — а не только соратника — светом души... Она умеет превращать в такого же собеседника весь зрительный зал...

Много-много лет назад пообещалась Наташа своему отцу, композитору Илье Сацу, найти Синюю птицу мечты! И сделать ее не пленницей своей, но общей любимицей. Вдохновительницей прекрасного творчества. Слово она сдержала.

Недавняя премьера — «Бастьен и Бастьенна» Моцарта * Сцена из оперы Пуччини «Мадам Баттерфлай» * В зрительном зале равнодушных нет * Максимка из спектакля «Максимка» * Эта постановка создана по роману Киплинга «Джунгли»... * А это «Красная шапочка»

Сцена из спектакля «Спроси когда-нибудь у трав...».

В сердце и памяти

Спектаклем молодого драматурга Ярослава Стельмаха «Спроси когда-нибудь у трав...» Черновицкий музыкально-драматический театр имени О. Кобылянской открывал свои пятые гастроли в столице... Публицистическая трагедия, размышление о подвиге «Молодой гвардии», дала театру возможность сразу же заявить зрителю об активности своей гражданской позиции, стремлении говорить со сцены о самом важном в жизни сегодняшнего человека. Именно поэтому молодогвардейцы по воле автора перенесены в наше время; они пытаются оглянуться на свои собственные — такие короткие! — жизни, вспомнить те «жестокие и нежные» времена, вновь и вновь проанализировать свои поступки...

Юноши и девушки рассаживаются на стульях с высокими спинками, смотрят в зал строго и вопрошающе, словно судьи. Сзади чуть возвышается деревянный помост, он ассоциируется с лобным местом, на которое по очереди поднимаются со своими монологами-исповедями то Олег Кошевой, то Любка Шевцова... Поднимаются на помост и Палач-фашист и Предатель — они пытаются оправдать свои преступления: мол, плохого ничего не имели в виду и не хотели; один — просто подневольный человек, делал, что приказывали. А другой не выдержал физической боли, признался под пытками,— со всяким, мол, такое может случиться... Но нет, не со всяким! — убеждают нас молодогвардейцы, смерть каждого из которых становится беспощадным обвинением предательству. А лишь с тем случается «такое», кто лишен понятия о вечных, непреходящих ценностях, лишен веры, чувства справедливости, любви к Родине, к человеку... Подвиг молодогвардейцев, подчеркивается в спектакле,— одно из наиболее ярких проявлений этих основных черт советского характера, что и делает юных героев духовно близкими нам, навсегда оставляет в сердце и памяти.

Спектакль «Спроси когда-нибудь у трав...» актуален своей антивоенной направленностью, как, кстати, и другая постановка театра — «Русский вопрос» К. Симонова. Написанная в 1946 году, повествующая о рядовом американце, который рискнул написать правду о Советской России и столкнулся со страшным противодействием «сильных мира сего», пьеса не утеряла своей остроты.

Интерес Черновицкого театра к насущным проблемам современности можно проследить и в спектакле «Земля» О. Кобылянской, вошедшем в золотой фонд украинского театрального искусства. Рассказывая о временах давно минувших, постановщики исследуют сложнейшие взаимоотношения человека и земли. Да, в те времена, когда за клочок земли брат убивал брата, человек был ее хозяином и рабом одновременно. Любая попытка расстаться с землей, прожить иным трудом расценивалась односельчанами если не как самоубийство, то, значит, как подвиг. И все-таки старый буковинский крестьянин Ивоника убежден: нельзя всем покидать землю, кому-то же надо быть возле нее, хлеб святой растить. Слова эти, обращенные со сцены прямо в зрительный зал, звучат и как предостережение и как призыв, завещание потомкам, столь порою жаждущим сменить родные зеленые просторы на асфальтовые равнины городов.

На этих гастролях нельзя было не заметить, что театр тяготеет к широкому показу народного, массового действа и яркой зрелищности. В «Земле» сцены из народной жизни украшены старинными песнями и подробным свадебным обрядом. «Птицы нашей молодости» И. Друцэ изобилуют многокрасочными самобытными массовыми сценами. А «Украинские вечерницы», построенные на материале классических украинских водевилей, являют собою калейдоскоп музыкальных и танцевальных эпизодов, песен, поэзии, народного юмора... Здесь все артисты чувствуют себя в своей стихии, каждый прекрасно поет, увлеченно и искусно танцует. Творчество Черновицкого театра привлекает прежде всего ансамблевостью, сыгранностью актерской труппы, где наряду с такими признанными мастерами, как Г. Янушевич, О. Рудницкая, П. Михневич, П. Никитин и другие, интересно и уверенно работает молодежь: Л. Папирная, Л. Скрипка, В. Сова, В. Лещик, С. Авраменко...

Усилия главного режиссера театра, заслуженного деятеля искусств УССР К. Пивоварова направлены на то, чтобы как можно полнее выявить актерские индивидуальности и возможности. Он не стремится к эффектным режиссерским «трюкам», четко и вдумчиво отсекая все, что могло бы помешать эмоциональному и психологическому проникновению в ткань произведения. Этой же цели подчинена и сценография главного художника В. Лассана, символичная, емкая и очень лаконичная.

При всем том, что Черновицкий театр, его реалистические традиции, безусловно, заслуживают немало добрых слов, хотелось бы посетовать на отсутствие в гастрольной афише русской и зарубежной классики. Театр, увлеченный в основном сельским бытием (что само по себе хорошо), ничего не рассказывает своему зрителю о современном городе, а ведь Черновцы — крупный областной центр.

Черновицкая сцена нуждается в серьезном разговоре о морали и нравственности, в появлении истинно незаурядного, масштабного героя наших дней.

Н. АЛЕКСЕЕВА

Галина КУЛИКОВСКАЯ

НЕЗАРАБОТАННЫЙ РУБЛЬ

На прядильном производстве хлопчатобумажного комбината «5-й Октябрь» провели недавно рейд. В первый день проверки ушли с работы раньше положенного времени десять человек, на другой день — четырнадцать... А ведь, скажем, за два часа прядильщица делает столько пряжи, что из нее можно выткать много-много метров ситца, сатина, костюмных тканей. Между тем прядильное производство и без того в большом долгу перед государством. Только в этом году недодано свыше 500 тонн пряжи. И тут нельзя не заметить, что среди нарушителей трудовой дисциплины в те два июльских дня оказались и прядильщицы. Однако и. о. начальника цеха В. И. Разуваева не склонна считать их нарушителями.

— Кулёву, Булыгину и Новожилову,— объясняла она в партбюро,— я сама отпустила на час раньше. Не было ровницы. В сортировочно-трепальном цехе «сгорели» три машины. Вышло из строя несколько моторов, и ритм всего производства немедленно нарушился. Прядильщицы в этом не виноваты, простой будет им оплачен по тарифу.

— И часто бывают у вас такие «пожары»? — спросила я Разуваеву.

— Почти каждый день. Когда шли к нам, не обратили внимания на груду моторов, что лежат прямо на асфальте возле мастерской? Говорят, что нет провода, нужного для перемотки статоров... А может и настоящий пожар случиться — от самовозгорания хлопка. Да и других причин много для простоев. Пошли дожди — нарушился процент влажности. Кипы из такого хлопка плохо разрыхляются, ровница чаще рвется, и мы, как хлеборобы, от милостей погоды зависим...

— Значит, выхода нет? А я читала в вашей многотиражке о передовом опыте Рыжовой, которая намерена поспорить с такими знаменитыми прядильщицами страны, как Смирнова и Локтева. В газете подробно описан весь ее день.

— У нас есть и другие замечательные прядильщицы. Нина Павловна Акимова, например. У нее повышенная зона обслуживания, работает на трех прядильных машинах.

Прежде чем познакомиться с Ниной Павловной, я заглянула в отдел учета и бухгалтерию. Мне показали ее расчетный лист за один из последних месяцев первого полугодия. 23 рабочих дня, 182 часа. Из них очень много простоя: то из-за ремонта оборудования, то из-за отсутствия ровницы. Нормы Акимова выполняет на 118,7 процента. Соответственно и премия. Надбавка за ночные смены. Оплата за вынужденные простои... Бухгалтерия насчитала ей 296 рублей 37 копеек. Это намного выше среднего заработка по фабрике. Акимова одна из лучших работниц! А в том же цехе есть прядильщицы, вообще не выполняющие норму.

В цехе я не застала Нину Павловну — она работала в первую смену. И тогда Лидия Прокопьевна Школьник, секретарь парткома комбината, предложила в конце рабочего дня навестить Акимову.

Акимова, симпатичная, разрумянившаяся, очень моложавая, обрадовалась нашему визиту. Она коммунистка и знает Лидию Прокопьевну по семинару, который та вела, когда была секретарем парткома по идеологии. Мой приезд совпал с первым днем работы Школьник на новом посту — первого секретаря парткома.

— Свои награды покажи-ка, Нина,— подзадоривает секретарь парткома.

Первым орденом был «Знак Почета», вторым — «Трудовой славы» 3-й степени. И родная сестра ее, Зоя Павловна, тоже кавалер ордена «Трудовой славы». У обеих — почетные грамоты. Нина Павловна, как победитель во Всероссийском соревновании по профессиям, каждый год получала их.

Незаметно разговор перекинулся на острые проблемы дня. Есть они, никуда не денешься!

— Полтора часа сегодня стояли, не хватило ровницы. Могла бы уйти домой? Ой, что вы, стыдно-то как будет! Какой же это пример для младших? Нет, так нельзя. Не положено. Без дела, конечно, я не сидела. Машину обметывала, чистили и готовили тару, патроны набивали, не себе уже, конец смены был,—сменщицам. Мне вот что не дает покоя... За эти полтора часа нам заплатят. Из-за простоя, из-за отсутствия полуфабриката, мне в июне начислили 8 рублей. Но эти-то рубли какие? Не мои рубли. Пряжи-то я не наработала. Вот и не на месте совесть. **Незаработанные деньги получаются.**

— А у смежниц как? К ним ходила? — забеспокоилась Школьник.

Она хорошо изучила характер Акимовой: еще и на собрании выступит, раскритикует ротозеев и ленивых.

— А и ходила! — тряхнула головой Нина Павловна.— Нашла тех, кто меня держит, да не в них дело. У них тоже простой. Ниже надо было спускаться. В чесальном цехе не работала целая линия. Прostаиваем... До каких пор это продолжаться будет? **Мы приходим в цеха ткани для народа делать, а не стоять!**

Где, где я слыхала эти слова, произнесенные гневно и требовательно? Да в том же чесальном! Вчера. Шла по изрытым плитам пола, под плывущими поверху, намотанными на барабаны холстами из ваты. Душно, пыльно, грязно. Но параллельно этим пухлым барабанам, изолированно и невидимо для глаз, двигался по трубам, гонимый сжатым воздухом, другой поток хлопка прямо к бункерам машин. Наверно, и тут позже исчезнет льнущая к потному лицу ватная пыль. Старое и новое. Создаются условия, облегчающие труд человека. Однако модернизация дается не сразу и не легко. Бывают сбои. Простаивала новая линия. И тут я увидела двух молодых работниц, двух, как выяснилось, Надежд Анатольевн, одна Кудреева, другая Калинина. Облокотившись о корпус машины, они обменивались новостями. А что им оставалось? Шел второй час дневной смены, а хлопка в бункерах не было. Тридцать машин стояло! И в прошлом месяце у них случалось подобное. Под расчет у обоих Надежд вместо обычных двухсот получилось по сто пятьдесят рублей...

В итоге по распоряжению администрации сделали перерасчет, который у финансистов называется «припиской». В ней — десятки незаработанных рублей. Пример этот на комбинате не единичный. Счет незаработанных рублей идет уже на тысячи. И вот результат: производительность труда на прядильном производстве резко снизилась, а средняя заработная плата за счет сверхурочных часов и оплаченных простоев — они в несколько раз превысили все нормы — сохранилась почти на том же уровне: в 1982 году — 182 рубля 88 копеек, сейчас 181 рубль 87 копеек. Нарушен главный принцип эффективного развития социалистического производства: рост производительности труда должен опережать рост зарплаты. Только при этом условии возрастание денежных средств у населения будет в полной мере обеспечиваться товарами и услугами. Купить можно лишь то, что произведено. «...Каждый гражданин,— сказал в своей речи на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов,— у нас имеет право лишь на такие материальные блага, которые соответствуют количеству и качеству его общественно полезного труда».

— В чем же главная причина простоев?

На этот мой вопрос на комбинате отвечали по-разному.

Л. П. ШКОЛЬНИК, секретарь парткома.

— Вы обратили внимание на наши краснокирпичные глухие, мрачные, в некоторых цехах безоконные корпуса? Им сто десять лет. И оборудование было им под стать. Только недавно в ткацком заменили старинные платовские станки. В прядильном производстве наша ахиллесова пята — чесальный цех. Он оказался самым трудным в процессе реконструкции комбината, начатой пять лет назад. Тут меняется не только оборудование, но и технология.

А. Н. ПОХЛЕБАЛОВ, главный инженер комбината. Молодой еще человек, 1951 года рождения. Он и по стажу работы на комбинате молодой. Впрочем, это отличительная черта многих здешних руководителей. Комбинат взял курс на обновление и омоложение не только техники. Почти ровесник главному инженеру начальник прядильного производства В. П. Сухов. Секретарь партбюро этого производства В. Н. Кошкина и председатель профкома В. В. Бочкова еще в комсомольском возрасте. А начальнику чесального цеха О. А. Зарубиной всего-то двадцать два. Только в прошлом году окончила Ивановский текстильный институт, и сразу на такое «горячее» место: 150 работающих и сотни машин...

— Прядильное производство у нас наиболее сложное по сравнению с иными предприятиями,— говорит Похлебалов.— Я работал на другом комбинате и могу сравнивать. У нас низкомерное производство, пряжу даем толстую. Хлопок стал поступать очень низких сортов, сильно засоренный. В январе нынешнего года, например, пуха получили столько, сколько за весь восемьдесят первый. В этих условиях особенно в чесальном цехе работать стало трудно. Кадровые уходят на пенсию, молодежь идет с неохотой. Мы ставим новые — с пневмотранспортерами — машины, резко повышающие качество полуфабриката, который необходим для пневмомеханического прядения. Это сложные машины, требующие особо тщательного ухода и строгого выполнения графика планово-предупредительного ремонта, но он, к сожалению, не соблюдается.

В. П. СУХОВ, начальник прядильного производства.

— Плановый простой за счет ремонта оборудования не должен превышать восьми процентов. На практике — в два раза больше. Ремонтно-техническая служба комбината работает очень слабо. Недостаточна порой бывает квалификация слесарей, к тому же их не хватает. Острый дефицит запасных частей. Ремонтники работают только в одну смену, днем, а нужна и вторая. Вот и получается, что план ремонта выполняется всего лишь на тридцать процентов.

С. А. АЛЕКСЕЕВ, председатель головной группы народного контроля на комбинате.

— Регулярно, два раза в месяц, проводим рейды по проверке состояния дисциплины и использования рабочего времени. Акты и сигналы направляем администрации. К сожалению, не всегда принимаются должные меры. В ремонтно-механическом цехе прядильного производства в прошлом году ни разу не обсуждали на товарищеском суде нарушителей дисциплины. А потери, причиненные ими, велики. На прядильном производстве в мае нарушило трудовую дисциплину 57 человек, но меры были приняты далеко не ко всем. 26 нарушителей вообще выпали из поля зрения руководителей цехов. Такой либерализм создает благодатную почву для лодырей, прогульщиков и пьяниц. В первом полугодии тут зафиксировано 362 нарушения трудовой дисциплины, коллектив потерял 1316 человеко-дней.

Факты, как говорится, не требуют комментариев. Очевидно, с трудовой дисциплиной неблагополучно. Воспитательная работа не увязывается с задачами экономического образования, особенно среди молодежи. Недостаточно срабатывают материальные и особенно моральные стимулы...

Да, конечно, в том, что предприятие испытывает объективные трудности, сомневаться не приходится. Но ведь и «субъективные» — то есть нарушения трудовой дисциплины — мешают работе комбината не меньше, чем вынужденные простои из-за отсутствия сырья или непорядка с оборудованием. А в результате наносят урон всему обществу.

В прошлом году вследствие плохого использования рабочего времени доплаты за простои до среднего заработка по прядильному производству составили 60,7 тысячи рублей. Сколько же этих незаработанных рублей будет в нынешнем году? И как это скажется на соотношении роста производительности труда и зарплаты?

гор. Струнино
Владимирской области.

23 АВГУСТА — ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ РУМЫНИИ ОТ ФАШИСТСКОГО ИГА

Вячеслав **САМОШКИН**

ГЛАВНАЯ ПАСЕКА

В распахнутом окне кабинета профессора Харнажа — блеск и цветение бухарестского лета. Вячеслав Харнаж — человек особенный. С одной стороны, он крупный специалист в области гидравлики, с другой — президент международной организации пчеловодов «Апимондия», в которую входят национальные общества более шестидесяти стран, включая СССР. Я спрашиваю, каким образом ему удается совмещать гидравлику и пчеловодство.

— Как гидротехник я имею дело с жидкостями, флюидами. А мед — это особый вид жидкости,— ответил он шутливо. — Мед встречается в жидком, твердом и даже газообразном состоянии, так называемый медовый газ. Так что я, можно считать, выступаю как узкий специалист в рамках своей основной профессии. Кстати, совмещение профессий среди пчеловодов — явление довольно распространенное. Председатель ассоциации пчеловодов Франции, например, по специальности врач, ассоциации Испании — епископ, Швейцарии — механик по локомотивам, а Бельгии — инженер фирмы «Филипс»...

— С чего началось ваше увлечение пчелами, профессор?

— Мой отец был пчеловодом, и в детстве я получил крещение пчелами: они меня покусали. Но вместо того, чтобы их избегать, я в пчел влюбился!

Четверть века назад Вячеслав Харнаж стал инициатором объединения всех пчеловодов республики в общенациональную ассоциацию. С тех пор он ведет в ней большую организаторскую работу.

— После войны,— вспоминает он,— у нас в стране пчеловодство выглядело скромно: едва насчитывалось четыреста тысяч пчелиных семей. Мы гордимся, что увеличили их число в три раза.

Ассоциация пчеловодов Румынии ныне насчитывает в своих рядах около 60 тысяч членов. Ее отделения, действующие в каждом из уездов, направляют работу 1400 пчеловодческих кружков, посылают по вызову на места опытных технических инструкторов, снабжают пчеловодов на льготных условиях оборудованием, инвентарем и транспортом для перевозки ульев. Отделения заключают контракты на закупку продукции по твердым ценам для последующей переработки ее на комбинате Бэняса. Уездные отделения обслуживают сады и поля кооперативов и госхозов «выездными» любительскими пасеками.

— Но главное, чем мы можем похвастаться сегодня,— говорит профессор Харнаж,— это пчеловодческий комплекс Бэняса. Заметьте, он создан целиком на средства ассоциации. Его называют главной пасекой страны. И не потому, что здесь на солнечных полянах можно увидеть несчетное количество ульев, а потому, что комплекс — это на практике осуществленное единство научного поиска, производственного процесса и подготовки квалифицированных кадров. И опыт Румынии в этом деле получил широкое международное признание. По экспорту меда Румыния вышла на первое место в Европе, не считая СССР. «Апимондия» устраивает в Бухаресте международные курсы по усовершенствованию кадров в области пчеловодства.

На производственный комбинат комплекса Бэняса поступает на обработку продукция из ульев всей страны. Здесь же изготовляются биостимуляторы, целебные препараты, косметика, а также выпускается оборудование для пасек Румынии и других стран. На учебной базе юношам и девушкам преподают пчеловодство.

Но главное, здесь действует научно-исследовательский институт пчеловодства. Я встретился с его директором, инженером Аурелом Малаю.

— В Румынии пчеловодство рассматривается как одна из главных отраслей сельского хозяйства,— сказал он.— И речь идет не только о непосредственном производстве меда, цветочной пыльцы, пчелиного яда, маточного молока, воска. Я имею в виду важную роль пчел в перекрестном опылении растений и сохранении экологического равновесия. Понятна та большая помощь, которую оказывает государство развитию пчеловодства. И здесь мы опираемся на советский опыт — ведь среди постановлений Совнаркома, подписанных Лениным, есть и постановление об охране пчеловодства в Советской России. У нас по государственной линии принята специальная программа развития отрасли. Она охватывает меры, направленные на повышение материальной заинтересованности тружеников сел и городов в создании приусадебных пасек и всевозможные льготы пчеловодам.

Восемьдесят пять процентов пчелиного производства сосредоточено на личных пасеках. «Мода» на пчел распространилась даже на города. Например, в Бухаресте и его окрестностях сейчас насчитывается около четырех тысяч пчеловодов-любителей.

Основное стремление нашего института,— отмечает Аурел Малаю,— это чтобы результаты научных исследований не оставались на бумаге. Каждый исследователь закреплен за одной из крупных пчеловодческих ферм, действующих при госхозах. Он отвечает за быстрое внедрение научных результатов на подопечной ему ферме.

Замечательных результатов, привлекающих внимание специалистов за рубежом, достигли ученые института в области использования продуктов пчеловодства в медицине. В секции апитерапии рука об руку работают представители разных профессий: фармацевты и биохимики, химики-аналитсты и врачи многих специальностей. Заведующую отделом апитерапии Елену Палош я попросил рассказать о наиболее эффективных препаратах, разработанных румынскими специалистами.

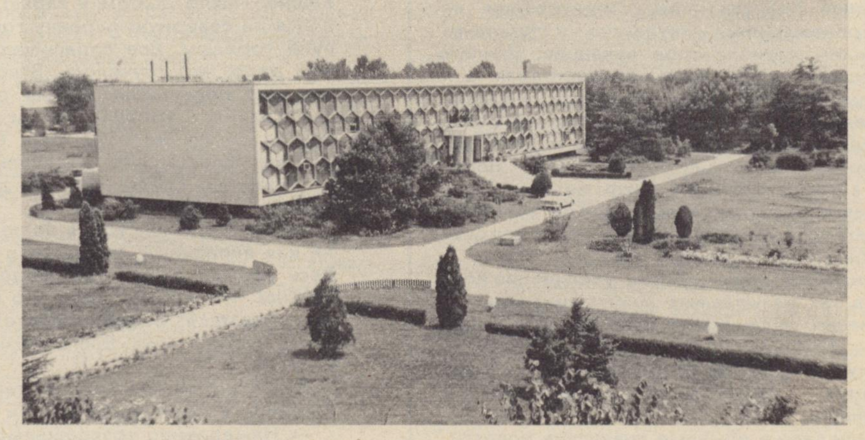
— Нами уже создано больше сорока видов лекарств. Бóльшая часть из них продается в аптеках и специализированных магазинах «Апимондия». Вот некоторые из них: «апиревен» — препарат на базе пчелиного яда, он успешно лечит ревматизмы и артриты; таблетки с прополисом «прополисепт» эффективны при простудах и ангинах; гранулы «поленолецитина», созданные на основе цветочной пыльцы, помогают при нервных заболеваниях... «Медовые» препараты, вышедшие из стен института, помогают бороться с болезнями глаз, которые нельзя вылечить другими средствами, а также останавливают парадонтоз, излечивают гепатические болезни. Очень хорошо показал себя пчелиный яд в борьбе с болезнями периферийного кровообращения. Одна из последних наших новинок — препарат для лечения заболеваний предстательной железы у мужчин. Как известно, химиотерапия не решает проблемы, хирургия решает ее лишь частично. А вот прополис в сочетании с другими пчелиными продуктами дает очень хорошие результаты...

«Сотрудничество с советскими учеными-пчеловодами имеет давние традиции,— вспомнил я слова директора Аурела Малаю.— У нас в стране работал советником по пчеловодству Григорий Данилович Билаш, нынешний вице-президент «Апимондии» и директор Научно-исследовательского института пчеловодства в городе Рыбное под Рязанью. Его личный вклад в становление румынского пчеловодства трудно переоценить. Ведь практически все, кто закладывал базу пчеловодства у нас в стране,— его ученики.

Кооперация и сотрудничество с родственными предприятиями Советского Союза осуществляются по перспективной программе, составленной на длительный срок. Ведь это замечательно, что мы хорошо знаем возможности друг друга и широко их используем. Это приносит нам всем взаимную выгоду».

...Я уходил с главной пасеки Румынии, из медового царства. И невольно поймал себя на мысли: «Почему бы не заняться пчеловодством самому?»

Бухарест — Москва.

Так выглядит медовое царство Бэняса. **Фото Иоана Негря.**

ЮГ ЛИВАНА — УГРОЗА АННЕКСИИ

см. стр. 4

людей, обутых в дешевые туфли или вовсе босых, шли по пыльной дороге. Солнце палило нещадно, в этот день температура в тени поднималась до тридцати восьми градусов. Обливаясь потом и вдыхая едкую известковую пыль, демонстрация темным потоком лилась к израильскому штабу. Под взглядами горящих ненавистью глаз военный патруль освободил дорогу. Женщины быстро дошли до земляного завала, перекрывающего путь к штабу. Небольшая задержка — и колонна, как живой таран, преодолела завал.

Из ворот штабного двора навстречу демонстрации выкатились бронетранспортеры и вооруженные тяжелыми пулеметами машины. Автоматчики выстроились цепью. Но женщины и дети хлынули к увитому колючей проволокой забору, не обращая внимания на изготовленное к стрельбе оружие.

Не так давно на этом самом месте те же израильские солдаты разогнали женскую демонстрацию слезоточивым газом и огнем автоматов. Теперь оккупанты не посмели сделать этого сразу. Полковник даже подошел к женщинам и стал по-арабски уговаривать их разойтись. Подкрепляющим аргументом были, как обычно, заряженные пулеметы.

— Что вы можете мне сказать,— ответила израильтянину одна из палестинок,— вы, приказавший прошлый раз стрелять по детям и женщинам... Мой муж в вашем концлагере Ансар, как и другие тысячи палестинских и ливанских мужчин. Разве мы не люди? А живем из-за вас хуже животных, наши дети стали сиротами, голодают, у нас нет ни пищи, ни имущества, ни жилищ — мы нищие и бездомные, а вы хотите, чтобы мы пали перед вами на колени, отказались от своей родины и чтобы весь наш народ вымер... Есть ли у вас мать, жена? Они не могут не знать, что вы сделали с нами. И молчат... Позор вам, позор навеки!

— Мы требуем освобождения из Ансара и израильских тюрем наших мужей, братьев и отцов!— кричали женщины, размахивая траурными черными флагами.— Мы требуем, чтобы Израиль ушел со всех оккупированных земель! Наш дом — Палестина!

Израильтяне вскоре прогнали журналистов с места действия, и мы уехали, не зная, чем закончилось на этот раз противоборство между израильской мотопехотой и мирной демонстрацией женщин и детей. Но узнали это минут через тридцать.

Местные радиостанции передавали такие сообщения:

— Передислокация израильских войск — новый шаг к разделу суверенного Ливана.

— Южнее Бейрута при столкновении на шоссе бронемашины оккупантов с легковым автомобилем погибло трое ливанцев. Экипаж бронемашины, естественно, не пострадал.

— Силы сопротивления атаковали израильскую военную колонну в районе города Набатия. Среди израильтян есть убитые и раненые.

— Возобновилась артиллерийская перестрелка в горном районе Шуф между общинами правых христиан и друзов. Три человека убито, пятеро ранено. Шесть снарядов взорвалось в бейрутском районе Син эль Филь.

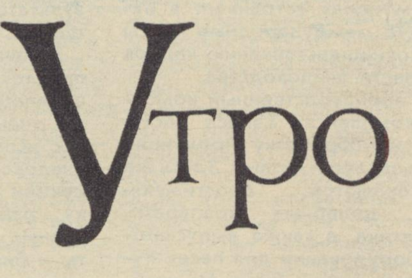
— Ожидается значительное увеличение контингентов так называемых многонациональных сил в Ливане, являющихся фактически войсками блока НАТО...

— Оккупанты снова разогнали женскую демонстрацию у своего штаба на окраине города Сайды.

Это были самые обычные ливанские новости.

Бейрут — Сайда.

Эстер РАНДРИАМАМУНДЗИ

Утро придет

ПОВЕСТЬ

Рисунки А. ЛУРЬЕ

Целую неделю Рандриа не появлялся на работе, его не было дома, не видно было в городе...

«Если меня будут спрашивать, скажите, что я занят и не могу никого принимать в ближайшее время — я должен срочно уехать...» — написал он записку и оставил на столе секретаря.

— Маву, — сказал он, — ты видишь мои душевные терзания. И ты прекрасно понимаешь, что любовь к тебе и Малянту, страх за вас заставили меня изменить свои взгляды. Я отправлюсь на какое-то время в деревню, может быть, на неделю. Надо успокоиться и подумать на досуге, прежде чем решать окончательно. Воспользуюсь случаем, чтоб посмотреть, как идет сбор урожая в Амбату,— я уже давно там не был.

— Взвесь все как следует, Рандриа. Не торопись, — сказала Рамаву. — Не надо все так утрировать!

«Может, нам переехать куда-нибудь? Поселиться, например, в маленькой деревушке. У Маву хорошая специальность. И полегче ей будет, не так напряженно, как здесь, в большом городе, а почета и уважения, пожалуй, больше. Интриг и зависти меньше. Там сохранились еще какие-то человеческие отношения, чувства дружбы и взаимопомощи. А я заведу корову, разведу птиц, буду выращивать овощи — как-нибудь хватит, чтоб прокормиться. Не знаю вот только, как об этом заявить в партии, какой предлог найти. Вернусь из Амбату — подам заявление... Потому что все наши усилия, вся наша деятельность — впустую. Какие могут быть результаты, когда денег нет и...»

Вот какие мысли вертелись в голове у Рандриа, когда он ехал вместе с Ракуту в Амбату, время от времени погружаясь в дремоту.

В Амбату приехали днем. В городе было душно. Пахло дымом и гарью. Народ устремлялся на северную окраину города, откуда тянуло горелым. Все спрашивали друг друга, в чем дело, что случилось. Вскоре Рандриа узнал, что произошло: ночью сгорели амбары, где хранился урожай. Тонны зерна! Удалось спасти самую малость. Чуть было не сгорел сторож. Власти уже занялись расследованием — налицо следы, что это дело рук вредителей.

Рандриа онемел, глядя на пепелище. Он стоял как вкопанный, не отвечая на приветствия. Весь урожай, труд сотен людей погиб безвозвратно! Что же это такое? До каких пор будет продолжаться? Всюду вредительство, саботаж. И все сходит с рук. Враги бесчинствуют безнаказанно.

«Сколько же это можно терпеть?» — думал Рандриа, в бессильной ярости сжимая кулаки.

— Немедленно возвращаемся в Тана, — сказал он Ракуту, и они выехали обратно, несмотря на то, что уже смеркалось и им предстояло ехать всю ночь напролет.

«Надо действовать, надо что-то делать, — без конца повторял он. — Сейчас не время сомневаться».

Но беда, как говорится, не ходит одна. Ночь была темная, моросил дождь. Они шли на большой скорости. Вдруг... — т-р-рах! — отлетело колесо. Нужно было заменить. Только отъехали — лопнуло второе. Так и пришлось просидеть до утра на дороге...

После отъезда Рандриа Рамаву не находила себе места. Бралась то за одно, то за другое. Все падало из рук. Тупая боль давила сердце, по щекам ползли слезы.

В дверь постучали. Вошел Рабари.

— Рабари! — бросилась к нему Рамаву. Рыдания душили ее.

— Что с вами? Где Рандриа? Что случилось?

— Он решил уйти из партии. Говорит, разочаровался. И мы поругались. Я сделала все, что могла, чтобы удержать... но мне кажется, он уже не изменит своего решения.

— Когда вернется, пусть сразу же зайдет в комитет, — сказал Рабари.

— Я скажу ему, но не знаю... Он не пойдет... Если его заставлять, это вызовет лишь обратную реакцию. Он разозлится и опять накричит на меня. Когда он приедет, я дам вам знать. Может, вам удастся подействовать на него.

— Я думаю, это у него минутное настроение. Не верю я, что Рандриа отступится. Вы ведь знаете, он у нас самый надежный и на нем лежала важная и ответственная работа. Немного таких людей, на которых можно полностью положиться и доверить важные поручения.

Рабари ушел. Маву села за письменный стол и машинально стала перебирать бумаги. Рассеянно перекладывала одну бумажку за другой, а мысли по-прежнему были об одном: «О боже! Когда же кончатся наши несчастья? Только-только блеснет надежда —и опять сгущаются тучи. Если так будет продолжаться, что станет с нашими потомками? Что ожидает нашу малышку?

Когда же Мадагаскар получит наконец право самому распоряжаться своей судьбой? Когда наконец не останется таких, кто заботится только о собственном кармане и не думает о благе народа? Даже Рандриа не устоял. На кого же вообще можно положиться?»

Вдруг Рамаву услышала голосок Малянту:

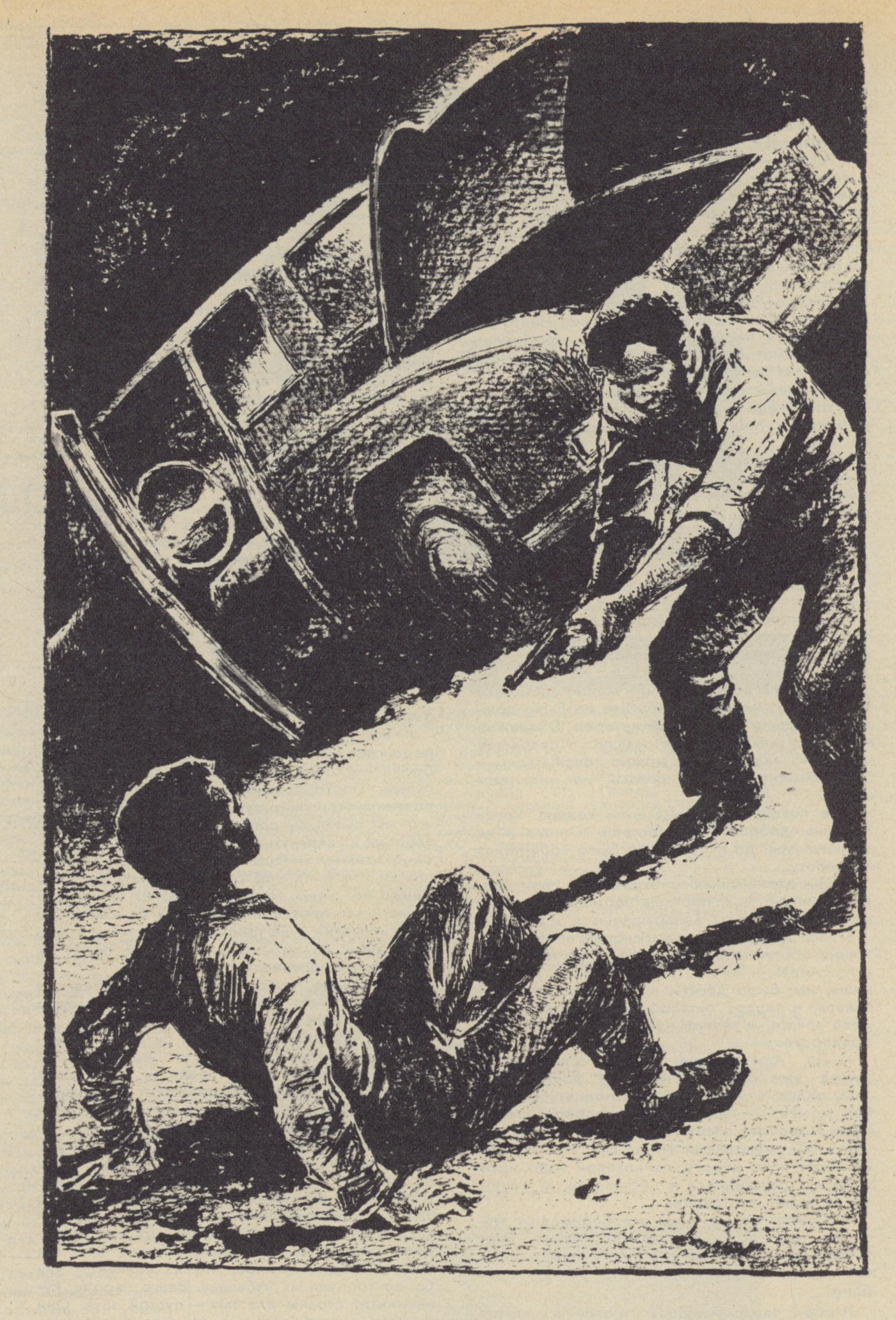
— А что ты мне привез?.. Совсем-совсем ничего?

— В чем дело? — Удивленная Рамаву вышла на крыльцо. Рандриа не ответил. Он обнял Рамаву, прижал к себе. Поцеловал.

— Успокойся, родная. Мы будем бороться. Мы не сдадимся без борьбы.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 31—33.

— А как же?..
— Да, да, я решил. Нужно бороться до конца, каков бы он ни был. За мир на земле, за законность и справедливость в нашей стране, за светлое будущее наших детей — за все это нужно бороться...
— Рандриа, что так вдруг изменило твое решение? Разве ты еще не подал заявление?
— Подал, не подал, сейчас это уже не имеет значения.
— Рандриа, как я рада! Конечно, я очень боюсь за тебя, за нас — все может случиться. Но я понимаю — будущее страны важнее. И нельзя собственные интересы ставить выше интересов родины. Меня очень напугало твое настроение в последние дни. Я рада, что ты устоял. Продолжай начатый путь, с которого вы не сошли, несмотря на все трудности и минутные колебания. Я знаю, с тобой много товарищей, ты не один, мы не одни.
— Ну, если ты будешь лить столько слез — как бы я не засомневался, правильно ли я решил!
— Не обращай внимания на мои слезы. Ты же знаешь, что у меня глаза на мокром месте.
— Чтобы доказать, что земля — источник слез? — сказал Рандриа насмешливо. — Слезами горю не поможешь. Крепись. Бывают ситуации и похуже.
У Рандриа был твердый голос, сосредоточенный, деловой вид. Движения решительны. Он вытащил из сундука кипу бумаг, засунул их в портфель и решительно направился к остановке такси. Он не сказал, куда идет. Рамаву не хотела докучать расспросами.
Зазвонил телефон.
— Алло!
— Это из Амбату... Рандриа уже приехал?
— Его нет... Он только что вышел из дома... А в чем дело?
— Он уже в Антананариву?
— Да, я же вам сказала — он ушел из дома две минуты назад. А что случилось?
— Он вам сказал, наверно, что сгорели амбары с зерном и что это дело рук темных личностей. Он не должен был уезжать — здесь возникло много проблем... Попросите его сразу же позвонить, как только вернется...
Рамаву совсем расстроилась. Почему Рандриа скрыл от нее эту ужасную весть? «Наверно, решил, что я приму близко к сердцу, и не стал расстраивать меня, поскольку я в положении, — утешала она себя. — И все-таки...» Снова зазвонил телефон. «Господи, что еще?»
— Алло!
— Выручите нас, Рамаву. Привезли женщину в тяжелом состоянии. А доктора нет — его вызвали в Антандзумбату, там опрокинулся такси-брус.
Рамаву едва накинула ламбу, оставив на Валясуа дом и дочку.
Ей не пришло в голову отказаться, хотя она взяла несколько отгулов — хотела немного отдохнуть и привести в порядок дом. Раз ее зовут, она должна идти. Ведь дело идет о двух человеческих жизнях — все остальное откладывается в сторону.
Она вела машину автоматически, а мыслями была уже в больнице. Свисток полицейского остановил ее, когда она поехала на красный свет:
— Ваши права, мадам! Вы превышаете скорость!
— Извините, ради бога! Я спешу в роддом — там женщина рожает.
— Спешите спасать одного, а другого можете убить? Будьте внимательнее!
Полицейский вернул ей права. Рамаву отправилась дальше, все время думая о словах полицейского: «Спасти одного и убить другого». «Правильно он сказал, — думала она. — Я день и ночь, не щадя себя, спасаю жизнь людей. А другие — убивают... Сколько людей погибло от пуль и бомб во Вьетнаме, в Корее? А сколько убивают, сколько замучили в застенках Южной Африки, Родезии, Намибии и других странах в наши дни?..»

Близилось к полуночи. В комнате вдруг стало тихо. Табачный дым стоял столбом. Все четверо уже не могли сидеть — то вставали, чтобы размять ноги, то ходили взад и вперед по комнате, руки в карманы, стиснув зубы. Собрание вел Рандриа. События последних дней, чуть было не приведшие его к разочарованию, пробудили в нем неимоверную энергию и деятельность. Он как бы бросил вызов врагам, и теперь ему море было по колено. Он ничего не боялся и готов был сокрушить все препятствия на своем пути.
— Мы уже довольно долго говорим, — сказал Рабеза, — но так ни до чего еще не договорились.— Пусть каждый подумает как следует. В этом деле нельзя спешить, если хочешь добиться успеха. Нельзя не считаться с тем, что у нас еще много недругов и недоброжелателей. На каждом шагу нам ставят палки в колеса. Не забывай, Рандриа, что у нас у всех маленькие дети, что на нас лежит ответственность за семьи, долг и обязанности перед родителями и близкими.
— Зачем лезть на рожон,— сказал Радзон. — Если не получается, можно найти другие пути. Жизнь дается только раз, друзья. Если вы хотите знать мое мнение, я скажу. У меня нет маленьких детей, но у меня много родственников, которые на моем иждивении, и я не могу подвергать их риску.
— Значит, ты хочешь отойти в сторону, Радзон? — сказал Рандриа.— Почувствовал, что дело принимает серьезный оборот — и в кусты? Выстроил себе дом и успокоился. Но подумай о том, чтобы сделать что-то для других, для подрастающего поколения. Подумай о бедном, задавленном народе, который еще не видел в своей жизни солнца над головой. Странно и непонятно твое поведение. Раньше ты был с нами, вместе мы строили планы, вместе клялись «скорее умру». А теперь, когда дошло до дела, когда мы вот-вот нанесем удар по врагу, предадим гласности его злодеяния и злоупотребления, именно теперь ты отступаешь. У тебя же в руках — ты сам собрал — неопровержимые доказательства, что деятельность иностранных компаний — моровая язва страны. И ты позволишь им спокойно жить и по-прежнему, как раньше, эксплуатировать наши богатства? А может, ты заодно с ними? Может, ты их пособник?
— Поосторожнее в выражениях, Рандриа. В таком деле мы должны быть осторожны.

Береженого бог бережет! Если на тебя направлено ружье и ты не пригнешься — это равносильно самоубийству!

— Мы говорим об одном и том же, — сказал Рабари. — Давайте пока разойдемся. У нас с вами общая родина, и каждый делает по мере своих сил и возможностей, чтобы служить ей и приносить пользу. Это наш долг, и мы должны его выполнять. А если молча сложим руки и ничего не будем делать, притворимся, что не видим опасности, угрожающей будущему страны, — я считаю это прямым переходом на сторону врага.

В ответ было гробовое молчание. Никто не осмеливался посмотреть в глаза другому — одни рассматривали кончики ботинок, другие следили за дымом своей сигареты.

— Я удаляюсь, — сказал Радзон. — Мне рано утром надо ехать в Фьянаранцуа по семейным делам. Меня не будет в городе несколько недель.

— Ты удаляешься от дела?

— Если вы не можете его отложить, действуйте без меня. Но вы несете ответственность за последствия... Пока!

— Что он хотел этим сказать? Как-то странно это, — сказал Рабари.

— Да, очень странно, — подтвердил Рандриа.

Трое оставшихся посмотрели друг на друга. Каждый спрашивал себя, что значит «несете ответственность». Рабари повез друзей по домам.

Дождь лил до утра, земля жадно впитывала влагу — уже несколько месяцев не было дождя. Неслышно дул легкий ветерок. В машине все погрузились в свои мысли. «Товарищей много, но мало на кого можно положиться»,— так примерно думал каждый из них, прощаясь.

Уже появились первые лучи солнца, когда Рандриа добрался до постели. Он так и не сомкнул век, да и пора уже было собираться на работу.

— Вы должны как-то ограничить свои собрания, иначе ты испортишь здоровье. Вот уже целую неделю ты возвращаешься под утро.

— Все верно, — сказал Рандриа. — Но положение осложняется. Дело пошло не на жизнь, а на смерть, и многие засомневались. Ты помнишь, нас было десять, когда мы только начинали, а теперь осталось лишь четверо. Но дело начато, и теперь нельзя остановиться на полдороге.

— Да, теперь уже трудно остановиться! Народ уже повсюду начинает волноваться. Ясно видно, что люди готовы подняться в любой момент, — чаша терпения переполнилась. Люди морально созрели, осознали, что их душат и они задыхаются. Но не все. Многие еще не видят ясно дорогу, по которой надо идти. Не могут разобраться в обстановке. И мечутся, не знают, что делать.

— Придет время, и мы освободимся от этого. Но надо бороться... Я сегодня не буду обедать дома и, очевидно, опять приду поздно — нужно обсудить несколько важных проблем.

И оба с тяжелой душой отправились на работу.

Уже давно за полночь, но они еще расходиться и не думали. Они собрались в этот вечер в доме у одного из представителей французской компании.

— Здесь много говорилось и обсуждалось, все высказали уже свои соображения. Но дело обстоит гораздо проще, — сказал мсье Раймон, пожилой француз с красивой седой головой.— Вы «получаете», мы «даем». Я даю чек на три миллиона франков, вы даете «досье». Деньги можете получить сразу, но лучше брать в разные дни, чтобы не вызывать ненужных разговоров в банке.

— Так-так! — начал было Рабари, приподнимаясь, но запнулся, не смог продолжать.

— За кого ты нас принимаешь? — возмутился Рандриа.— Ты думаешь, нас можно купить, выставив нам тут виски и коньяк? Да еще на деньги, которые ты получил, эксплуатируя наши богатства и проливая кровь наших соотечественников? И ты имеешь наглость предлагать теперь эти деньги нам?

— Ну что ж,— не удивился Раймон.— Сумму можно увеличить. Слушаю ваши условия.

— Хватит! — Приподнимаясь, Рабари яростно стаскивал с себя пиджак. Он тяжело дышал, кулаки сжимались, лицо нервно подергивалось. Рандриа еле оттащил его.

— Ну, вы еще пожалеете, что не согласились,— сказал мсье Винсент, который молчал в течение всего вечера, хотя чувствовалось, что именно он инициатор сделки.

— Пожалеем? Что ж... Но вы ответите нам за кровь наших соотечественников, за те беззакония, которые вы здесь творили... За пот малагасийцев, которые десятилетиями трудились на вас. Наконец-то вышли наружу все ваши махинации, вся ваша ложь и обман. А теперь вы осмеливаетесь предлагать нам деньги, награбленные у нашего народа!.. Действуйте так у себя дома, в своей стране! А у нас это не пройдет... Сволочь ты, больше ничего! Вы-то и есть дикари...

И Рабари с Рандриа ушли, не попрощавшись, хлопнув дверью. Шли молча. У обоих на душе было мерзко от бесцеремонного обращения и унижения, которому их подвергли.

На следующий день встретились снова. На лицах все еще видны были следы бессонной ночи.

— Посмотри, снова кипа анонимок,— сказал Рабари, протягивая письма.

— Я уже видел, получил точно такие же,— ответил Рандриа.

— Наверху уже знают о наших намерениях, как ты думаешь?

— Вот уж действительно: «Пойдешь вперед — дедушка умрет, пойдешь назад — бабушка умрет». Если дошло до верхов, то тем лучше. Плохо только, что информацию они получили из чужих рук. Им могли наговорить, что мы пытались организовать экономический саботаж и свергнуть правительство.

— Поэтому и надо идти до конца. Что бы там ни говорили. Мы должны делать вид, что ничего не знаем. Пока не исчезнет полностью у нас класс прихлебателей, пока не изменится их психология и не придет им на смену новое поколение, до тех пор в стране не будет ни порядка, ни прогресса.

— Я думаю, среди нас есть предатель. И несомненно, что кто-то наверху тоже заодно с колонизаторами.

— Не исключено. Обычная ситуация развивающейся страны. Не могут же перемены произойти сразу вдруг: ведь и быки лягут спать в одно время, а просыпаются в разное. Так и сознание людей. И хотя знамена империалистов повержены, совершенно очевидно, что «крыса еще не сдохла в животе». Еще многие, к сожалению, мечтают о возвращении страны на прежний путь, к старым порядкам. Немало и таких, как вчерашние деятели,— ради своего благополучия они любыми способами пытаются нейтрализовать патриотов. Да что говорить, многие не понимают, во имя чего мы боремся. Единственное, что их волнует,— как бы не тронули их кубышку. Благо народа, суверенитет страны для них — пустой звук. Они не могут даже осознать эти слова, вникнуть в их смысл.

— Стало быть, будем действовать? Не допустим, чтобы наше дело засохло на корню? — сказал Рандриа.— Да, мы не можем отступить. В противном случае кучка стяжателей приведет страну на край гибели.

Рандриа собирался отправиться в Анцирабэ в субботу на рассвете — необходимо было согласовать с местными руководителями отчет. А вернуться хотел в воскресенье вечером.

— У меня есть два отгула,— сказала Рамаву,— и мы можем с Малянту поехать с тобой. Отдохнем немного, пока вы будете заседать.

— Хорошая идея,— сразу же откликнулся Рандриа,— но не тяжело ли будет тебе? Ты еще не окрепла как следует после болезни. Я бы на твоем месте сначала отдохнул здесь, в городе.

— Нет. Я мечтаю подышать свежим воздухом. И Малянту это будет полезно — у нее что-то нос не в порядке. Да и Валясуа еще никогда не была на озере Андрайкиба. А заодно заедем в Фандриана к сестре.

Рандриа не терпел, когда Рамаву перечила ему, и, как всегда в таких случаях, замолчал. Каждый занялся сборами.

Рамаву уложила вещи, кое-какие мелочи, приготовила еду на дорогу. Потом легла. Рандриа все еще разбирал бумаги, которые хотел взять с собой. Вскоре он тоже прилег, чтоб хоть немного отдохнуть. Но заснуть не смог — дало о себе знать перенапряжение последних дней. В середине ночи стала кашлять Малянту. Рандриа встал, пощупал лоб: кажется, горячий. Он разбудил Рамаву.

— Посмотри, что с Малянту. По-моему, у нее температура.

— Да, ты прав. Придется нам остаться, ей нельзя ехать в таком состоянии.

Поставили Малянту горчичники и снова легли. Но сон покинул их окончательно. Молча лежали они в темноте, погруженные в свои думы. Что сулит им завтрашний день? Надежды сменялись разочарованиями. Иногда грезилось: вот-вот небо расчистится, а то вдруг окутывала такая густая тьма, что, казалось, ее можно пощупать руками.

Пропел петух и вернул их к действительности. Встали. Все еще тяжело было на душе. Молча распаковали чемодан — надо было вынуть вещи Рамаву и Малянту, раз они остаются.

У ворот уже стояло такси. За рулем сидел незнакомый человек. Рандриа удивился: его должен был везти один из их товарищей.

— В чем дело? — обратился он к шоферу.

— Тот товарищ не смог и просил меня заменить его.

Рандриа заколебался — ему это показалось странным. Но выхода не было.

Едва забрезжило — выехали. Они не знали друг друга, говорить было не о чем. Обменялись лишь несколькими ничего не значащими словами. Вскоре Рандриа стал замечать, что машина чересчур часто замедляла ход: он прекрасно знал эту дорогу на Анцирабэ, те места, где нужно замедлять ход, все повороты, которые могут быть опасными в такой темноте, как сейчас. И ему стало не по себе. Еще больше он заволновался, когда увидел сзади медленно идущую машину примерно на расстоянии километра от них. Она замедляла ход одновременно с ними. Он подумал еще, что надо бы запомнить номер, но было еще довольно темно и номера не было видно.

Достигнув верхней точки подъема, машина остановилась.

— Извините,— сказал шофер. Он вышел из машины и направился к багажнику. Рандриа оставался один буквально несколько секунд. Как вдруг почувствовал, что машина покачнулась. Он обернулся — шофер пытался столкнуть машину в пропасть. Рандриа едва успел выскочить — машина с грохотом полетела под откос. Рандриа бросился на шофера, но тот успел изо всех сил ударить его ногой. Рандриа отлетел на обочину, ударился головой о придорожный столб. В этот самый момент подошла следовавшая за ними машина, приостановилась на мгновение, включила все фары. Ослепленный Рандриа совершенно ничего не видел. Раздалось несколько выстрелов... Падая, он слышал лишь рев мотора набирающей скорость машины.

Едва Рандриа уехал, Рамаву позвонила Рабари и рассказала о насторожившей их странной и непонятной замене шофера. Через четверть часа Рабари уже мчался вдогонку, но когда они подъехали, от злодеев остался лишь запах пороха.

С трудом спустились они вниз, к речушке, куда скатилась машина. Она все еще дымилась. Рандриа пластом лежал неподалеку — зацепился за куст и лишь поэтому не упал в воду. Он был весь в крови, но еще дышал. Рабари с шофером осторожно перенесли его в машину и направились прямо в больницу Бефелятанана. Сделали все, чтобы его спасти, но...

Перевела с малагасийского
Людмила КАРТАШОВА.

Окончание следует.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. С. РОЗОВА

ЧУТКИЙ К ЖИЗНИ

Чуткий к меняющемуся миру молодежи, Виктор Розов неизменно утверждает своим творчеством тему долга и чести человека, его верности высокому гражданскому предназначению и велениям сердца. При этом пафос пьес В. Розова лишен риторики, как бы изнутри освещая мягким камерным светом излюбленные драматургом семейные коллизии и столкновения, романтический поиск молодых героев своей дороги в жизни.

Изначальная «узнаваемость» бытовых ситуаций, лиричность и юмор принесли пьесам В. Розова заслуженный зрительский успех, они долгие годы не сходят со сцен наших и зарубежных театров.

Законы сцены В. Розов освоил, что называется, на практике, начав творческий путь актером Костромского ТЮЗа. Из театра же ушел в июле сорок первого в народное ополчение, был тяжело ранен. Потом работал в передвижных фронтовых труппах. И уже только после войны окончил Литературный институт имени М. Горького, стал писать.

Тема войны, народного подвига и испытаний проходит через ряд произведений драматурга. Достаточно вспомнить его «Вечно живых» и снятый по ним фильм «Летят журавли». Боевая слава отцов и старших братьев нередко экзаменует в розовских пьесах молодых героев на зрелость, мужество, готовность к поступку.

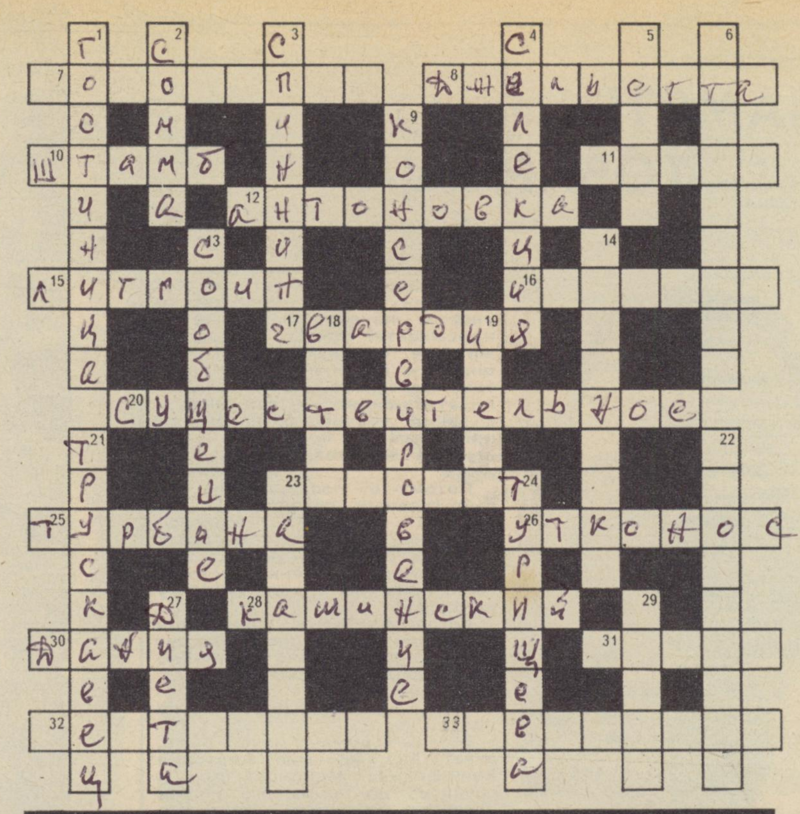
В 1949 году Центральный детский театр показал спектакль по пьесе Розова «Ее друзья», в 1953-м — «Страницу жизни» («Твой путь»). Эти первые произведения сразу обозначили особенности литературной манеры и круг интересов автора. Обостренное внимание к становлению юношеских характеров делается отныне определяющей чертой розовской драматургии. Он всегда выбирает героев, отражающих эволюцию нравственных проблем молодежи и символизирующих смену поколений. Таковы Андрей из пьесы «В добрый час!», Олег — «В поисках радости», Слава Заварин из спектакля «Неравный бой» и другие.

Сценический опыт обусловил стремление драматурга писать для конкретного театрального коллектива, учитывая специфику актеров и режиссерские возможности. Наиболее плодотворным оказалось сотрудничество Розова с Центральным детским театром, а также с театром «Современник», открывшимся, как известно, в 1957 году программным спектаклем «Вечно живые». Перу Розова принадлежит и вызвавшая добрые отзывы корректная инсценировка «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова, созданная для «Современника».

Заботы и чаяния юных остаются в центре внимания драматургии В. Розова. Он умеет узнавать в потоке времени меняющиеся черты своих героев, улавливать интонации их голоса. Потому и не спадает увлечение розовскими пьесами. Талант Розова — борющийся талант. Он предостерегает молодого зрителя от угрозы мещанства, саморастраты, зовет к действенному осуществлению личности.

Не все созданное драматургом в последние годы равноценно. Но лучшие его произведения по-прежнему являются верными спутниками людей, вступающих в большую самостоятельную жизнь.

О. ЮРЬЕВ

КРОССВОРД

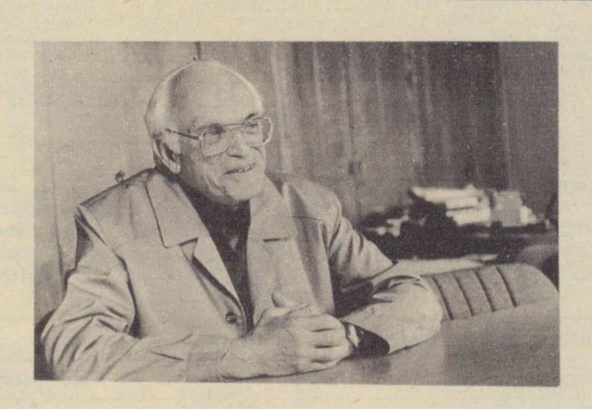
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Птица отряда воробьиных. 8. Героиня пьесы Шекспира. 10. Культура микроорганизмов одного вида. 11. Промысловая морская рыба. 12. Зимний сорт яблок. 15. Растворитель. 16. Рассказ А. П. Чехова. 17. Отборная часть войск. 20. Часть речи. 23. Музыкант, исполнитель на духовом инструменте. 25. Двигатель. 26. Животное, обитающее в Австралии. 28. Русский архитектор. 30. Государство в Северной Европе. 31. Гроздь. 32. Город в Грузии. 33. График и живописец, народный художник СССР.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Здание для кратковременного проживания приезжающих. 2. Река на севере Франции. 3. Спортивная рыболовная снасть. 4. Раздел агрономии и зоотехнии. 5. Химический элемент, газ. 6. Рассказ М. Горького. 9. Специальная обработка пищевых продуктов для длительного хранения. 13. Известие. 14. Раздел языкознания. 18. Французский живописец XVII—XVIII веков. 19. Нидерландский кинорежиссер-документалист, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 21. Курорт в предгорьях Карпат. 22. Комнатное растение семейства лилейных. 23. Прибор, используемый в высоковольтных выпрямителях. 24. Советская гимнастка, неоднократная чемпионка Олимпийских игр. 27. Определенный рацион питания. 29. Современный бальный танец.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 9. Факультет. 10. Змееносец. 12. Коринф. 13. Ельник. 14. Спондей. 15. Кама. 19. Абак. 21. Массальский. 22. Ряженка. 23. Крекинг. 27. Чебоксарова. 28. Узор. 31. Эйве. 33. «Черкесы». 34. Энглер. 36. Грабли. 37. Ричерката. 38. Океанолог.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Чакона. 2. Мухина. 3. Бьеф. 4. Летопись. 5. Смоленск. 6. Рене. 7. Кольца. 8. Белила. 11. Монолит. 16. Макаренко. 17. «Тангейзер». 18. Директива. 20. Береговой. 24. Высокая. 25. Модерато. 26. Красавка. 29. Зонтик. 30. Роллер. 31. Эталон. 32. Волхов. 35. Рюкю. 36. Грач.

ГОСТЬ «ОГОНЬКА»

В редакции журнала «Огонек» побывал известный датский художник-карикатурист Херлуф Бидструп, чье острое боевое искусство хорошо известно в нашей стране. Херлуф Бидструп рассказал о своей работе и поделился планами на будущее.

Фото А. Гостева

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Конечно же, в памяти осталось самое светлое — щедрая его, обаятельнейшая улыбка, с которой он дружелюбно говорил: «Побудь рядом, побудь...»

Об Анатолии Васильевиче Никонове я услышал впервые больше двадцати лет назад, когда работал на большой сибирской стройке. Вместе с прозаиком Геннадием Емельяновым мы тогда делали первые, что называется, шаги и поодиночке печататься еще не решались даже в родной многотиражке. Регулярно получавший нашу газету корреспондент ТАСС в Новокузнецке Константин Аристархов однажды сказал: «Вот что, соавторы. Вырежьте-ка эти рассказы, и пошлем их моему однополчанину. Толе Никонову. В Москву. В «Смену».

Рассказы напечатали почти тут же, и потом, уже при очном знакомстве, Анатолий Васильевич совсем по-дружески укорял: почему, мол, еще не присылаете? Почему не поддерживаете «Смену»? И расспрашивал о стройке, о Сибири, о том, чем живут-дышат молодые писатели-сибиряки, так живо и с таким интересом, какого не проявляли, случалось, даже близкие мои товарищи из столицы.

Потому-то после, когда он был главным редактором уже другого журнала, «Молодой гвардии», вопроса — отдавать ли туда рукопись романа или не отдавать — у меня просто не было: конечно, Никонову, кому же еще?

Когда Анатолий Васильевич возглавил редакцию «Вокруг света», при встрече частенько приглашал: «Поезжай от нас. Поезжай!»

Так и не собрался. Так и не поехал.

Теперь я думаю: может быть, отношение ко мне Анатолия Васильевича Никонова так и осталось до конца его жизни освещено отблеском того фронтового товарищества, о котором мне впервые сказали в Новокузнецке? Но точно так же о его почти беспредельной благожелательности могли бы сказать десятки других. И, может быть, дело еще в другом: в его природном, без капельки фальши, добросердечии. В демократизме самой высокой пробы, обретенном на поприще, которое мы называем служением государству, служением обществу.

Так или иначе, Анатолий Васильевич Никонов в благодарной памяти тех, кто знал и любил его, навсегда останется хранителем надежности людских отношений, чистоты и верности товарищества, неподдельной горячей заинтересованности в литературной, духовной жизни своей Родины.

Гарий НЕМЧЕНКО

Николай Чернецкий, бежавший на третьем этапе эстафеты 4 × 400 метров, передает палочку Виктору Маркину.

МЕДАЛИ ИЗ ХЕЛЬСИНКИ

Русская поговорка гласит: «Конец — делу венец». Конец проводившегося впервые чемпионата мира по легкой атлетике, который проходил на олимпийском стадионе в Хельсинки, поистине венчал усилия наших спортсменов. Последний, 41-й вид программ — мужская эстафета 4×400 метров — закончился блестящей победой советской команды: В. Маркин, олимпийский чемпион на этой дистанции, выступавший на четвертом этапе, первым пересек финишную черту. Это была шестая золотая медаль, завоеванная советской командой в Хельсинки.

Счет победам открыли прыгунья в высоту Тамара Быкова и метатель молота Сергей Литвинов. Их успех продлили Екатерина Фесенко на дистанции 400 метров с барьерами, два прыгуна — в высоту и с шестом — и, наконец, эстафетчики.

Успех новобранца советской сборной 19-летнего Геннадия Авдеенко был одной из самых больших сенсаций чемпионата. Никто не мог и предполагать, что этот молодой прыгун, впервые участвующий в соревнованиях такого высокого ранга, сможет взять 2 метра 32 сантиметра и оставить позади своих именитых соперников. И та же ситуация повторялась в соревнованиях шестовиков: там золотую медаль завоевал другой новичок — Сергей Бубка, преодолевший планку на высоте 5 метров 70 сантиметров.

Советские легкоатлеты увезли домой из Хельсинки солидное число и других медалей — 6 серебряных и 11 бронзовых.

Не все оптимистические расчеты осуществились, да это и невозможно на соревнованиях, насыщенных борьбой столь высокого накала. Но одно негативное предположение, увы, подтвердилось: мы не ждали очень успешного выступления бегунов — так это и случилось. В мужской программе 13 беговых номеров (всего в ней числится 24 номера), а успеха удалось достигнуть лишь в эстафете 4×400 метров. Победа прекрасная, но и единственная. Наши бегуны не завоевали ни одной серебряной медали и лишь две бронзовые. Есть о чем подумать тренерам.

В. ЯКОВЛЕВ

На первой странице обложки: Депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, генеральный директор агропромышленного объединения имени Ленина Ахмаджан Одилов и выпускник Высшей школы управления сельским хозяйством, партийный работник из Вьетнама Хоанг Нгок Винь. (См. в номере очерк «Девять этажей рентабельности».)

Фото А. Маслова

На последней странице обложки: Искусство палехских мастеров — так расписана гостиная комната в театре * В фойе всегда праздник: «Добро пожаловать в театр!» * Эмблема Детского музыкального * Дети рисуют тех, кого полюбили * Всюду царит сказка... * Веселые гномики из «Белоснежки». (См. в номере очерк «Синяя птица на всю жизнь».)

Фото И. Тункеля

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-80; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 01.08.83. Подписано к печати 16.08.83. А 00705. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 820 000 экз. Изд. № 2158. Заказ № 1072.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Геннадий Авдеенко взял 2 метра 32 сантиметра.

Фото специального корреспондента ТАСС В. Ун Да-сина.

Сергей Литвинов — чемпион мира в метании молота. Его результат — 82 метра 68 сантиметров.

Тамара Быкова преодолела планку на высоте 2 метра 1 сантиметр.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663